

ГЕНЕРАЛИССИМУС СУВОРОВ

БИТВЫ
ПОХОДЫ
ТРИУМФЫ
НАГРАДЫ

«МЫ РУССКИЕ — ВРАГ ПРЕД НАМИ ДРОЖИТ!»
«МЫ РУССКИЕ! С НАМИ БОГ!»

А. ЗАМОСТЬЯНОВ

Арсений Александрович Замостьянов
Генералиссимус Суворов.
«Мы русские – враг
пред нами дрожит!»
Серия «Парадные
биографии военачальников»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8355563
Генералиссимус Суворов. «Мы Русские – враг пред нами
дрожит!» / Замостьянов А.А.: Яуза; Москва ; 2016
ISBN 978-5-9955-0853-3

Аннотация

Это не просто подробная биография величайшего русского полководца. Больше, чем исследование боевого пути А.В. Суворова, всех его походов, сражений и побед. Это – первая Суворовская энциклопедия, иллюстрированная сотнями картин, карт, рисунков и реконструкций. Его триумфы вошли в легенду. Его «Наука побеждать» стала настольной книгой любого офицера. Его имя навеки вписано в святцы русской воинской славы. В его честь наречен высший полководческий орден СССР. Национальный герой, Генералиссимус Российской империи,

граф Рымникский, князь Италийский, не просто гений, а Бог войны, Александр Васильевич Суворов подавил Польский мятеж и Пугачевский бунт, разгромил турок и стал единственным военачальником, сумевшим несколько раз подряд разбить революционную французскую армию. Легендарным переходом его «чудо-богатырей» через Альпы восхищались даже враги. А его афоризмы стали заветом на все времена: «Мы Русские – какой восторг!», «Мы Русские! С нами Бог!», «Мы Русские – враг пред нами дрожит!»

Содержание

Предисловие	6
Отец Отечества	13
Сын генерала Суворова	17
Семёновец	36
Семилетняя война	48
Полковник Суворов	69
На польском фронте Война против конфедератов	87
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Арсений Замостьянов Генералиссимус Суворов. «Мы Русские – враг пред нами дрожит!»

Предисловие

И славы гром, как шум морей, как гул воздушных споров,
Из дола в дол, с холма на холм,
Из дебри в дебрь, от рода в род
Прокатится, пройдет, промчится, прозвучит
И в вечность возвестит,
Кто был Суворов... —

Так пророчествовал Державин – друг и боевой соратник

нашего героя. Под командованием Суворова он служил во время борьбы с Пугачёвщиной, и он же, будучи признанным поэтом и влиятельным вельможей, стал автором эпитафии полководцу. Державин не преувеличивал. Мерило славы Суворова – вечность.

Когда мы вспоминаем Суворова – у нас вырастают крылья.

На огромном материке русской истории, где уживаются герои разных эпох, окружённые ореолами почитания, прошлое не проходит безвозвратно и бесследно. Мы связаны с прошлым и будущим корневой системой, и значение величайших людей России не ослабевает с веками. Гениальная самобытность всегда актуальна, всегда она противостоит штампу и рутине, если соответствует интересам народа. Таков наш герой – Суворов.

Суворов – верный своему долгу герой счастливой России, России сильной, могущественной и терпеливой. Кроткой и мудрой. И, думаю, что он – как легенда и как пример – еще способен принести своей Родине такое счастье, какого она достойна.

Когда – то презрительно, то восторженно – выражением русского национального характера объявляют экстремала, живущего от апатии до эйфории – это ослабляет нас. Противники хотят видеть Россию слабой и озлобленной, вороватой и агрессивной, в вечной бездельной рефлексии, в пьяных слезах то от умиления, то от зависти. Хотят видеть раз-

общённость, холерическую агрессию, жестокость. А вот боятся они спокойной уверенности в себе, боятся русского благородства отзывчивой души. Боятся бескорыстия и профессионализма. Боятся созидательной имперской идеи, объединяющей страты и народы. Боятся того, что олицетворяет Суворов.

Александр Васильевич Суворов прожил жизнь удивительную – деятельную, героическую, легендарную. И такие суворовские черты, как склонность к самовоспитанию, упорство, могучая внутренняя дисциплина, соседствовали с природным талантом полководца. Суворов никогда не был расхристаным, неорганизованным гением. Из мемуаров Дениса Давыдова мы узнаём, что все суворовские победы начинались с чистой сорочки! («Вдруг растворились двери из комнат, отделённых столовою от гостиной, и Суворов вышел оттуда чист и опрятен, как младенец после святого крещения»). Замечательное свидетельство.

Недрузи, критики да просто досужие ораторы и при жизни Суворова, и после его смерти нередко приписывали успехи непобедимого полководца одной лишь удаче. Александр Васильевич Суворов, будучи человеком пронизательным до мнительности, знал об этом. Он знал, что не вписывается ни в одну систему, и современникам нет смысла даже пытаться анализировать «беззаконную комету» военной истории. Получить достойное признание в истории Суворову помогла русская культура – и народная, фольклорная, и авторская.

Русский Марс, русский архистратиг Михаил, непобедимый герой-полководец, который и через двести с лишком лет после смерти остаётся наиболее действенным символом нашей армии... Принципы науки побеждать можно и нужно понимать шире армейского контекста. Это ключ к успеху, окрыляющая мечта, необходимая в каждом деле. Нас уже четвёртый век занимает Суворов-мыслитель, Суворов-лидер – личность, вполне реализовавшаяся в учениях, походах и боях. Не менее важна и *легенда о Суворове* — истинном народном герое, которого ещё долго будут переосмыслять, ломая копья. Он стремился к свободной самореализации, к максимальной, нутряной самостоятельности и самобытности. Хватать судьбу за холку и идти вперёд – это и называется «повелевать счастьем». Это выражение вырвалось у Суворова в очень откровенном, эмоционально открытом письме к Потёмкину. В другой раз, размышляя о достоинствах полководца, Суворов повторит эту сокровенную мысль, с которой не расставался десятилетиями: «Приучай себя к деятельности неутомимой, повелевай счастьем: один миг иногда доставляет победу».

Наша книга посвящена разным граням суворовского феномена, а лучше сказать – суворовского *чуда*. История терпеливого, кроткого, но в то же время – решительного и сильного человека была воистину «полна чудес». Сила Суворова – в верности и целеустремлённости, в умении мыслить молниеносно и парадоксально, переигрывая противников. Агрес-

сия, вырастающая из низменных страстей человека, меркла перед суворовской простотой, перед его нравственной неуязвимостью. Наше повествование – про человека, сильного верой, духом и – педантичным профессионализмом. Стремительность мысли и действий Суворова поразительна; в истории России Суворов стал символом неуязвимой быстроты. Не угонишься за таковским.

Исследователи, работавшие после 1917 года (а среди них было немало блестящих сувороведов!), упускали из виду религиозность Суворова. Мы уделяем внимание и этой важнейшей грани *суворовского чуда*. Вера пронизывает всю жизнь Суворова; читатель заметит, как православная этика проявлялась в жизни полководца и в дни тревог, и в дни триумфов. Нельзя слепо переносить суворовские установки в наше время: он жил в XVIII веке, не мог располагать опытом позднейшего времени... Если сегодня повторять и претворять в жизнь некоторые постулаты Александра Васильевича – получится фальшиво. Но воля и обаяние Суворова неповторимы.

Взаимосвязь, существующая между Суворовым и Россией, угадывалась и современниками полководца, и самыми внимательными исследователями суворовского гения. Д. А. Милютин писал: «Суворов по природе был, можно сказать, типом Русского человека: в нем выразились самыми яркими красками все отличительные свойства нашей национальности...». Своей судьбой Суворов словно повторял судьбу Рос-

сии, а во многом он попросту предзнаменовал будущность нашей культуры. Национальный (а лучше сказать по-русски – всенародный!) герой и должен быть таким. Он, являясь сокровенным олицетворением народного характера, обречён на повторение достоинств и недостатков (последние – продолжение первых) своего народа.

В этой книге вы найдёте очерки всех побед Суворова – полководца, не знавшего поражений. В том числе – историю непопулярных в недавние годы побед над поляками, пугачёвцами и ногайцами. Да, Суворов был первой шпагой империи и самозабвенно возглавлял экспансию государства Российского. Где бои – там и учения. Мы постарались уделить внимание и педагогической стороне суворовского поприща. В походах и битвах, в учениях и боях прошла вся жизнь солдата и генералиссимуса.

А вот вам ещё один повод для удивления. России не раз приходилось отражать нашествия захватчиков. Освободительные войны – наша святыня. А Суворов стал символом русской воинской доблести, хотя ни разу не принимал участия в оборонительной войне. Просто на Россию в те годы не решались напасть, а в Европе, как говаривал князь Безбородко, «ни одна пушка без соизволения нашего выстрелить не могла». И Суворов разрабатывал наступательную тактику полнокровной империи.

Книга дополняется и будет дополняться новыми материалами, как дополняется новыми главами история обществен-

ного отношения к Суворову, история суворовской легенды. Всмотриваясь в суворовский образ, мы понимаем, какой должна быть судьба человека в России. Многое пришлось преодолеть Суворову, чтобы не зарыть в землю свой талант, чтобы всего себя отдать Отечеству. Уповая на Всевышнего, Суворов не покладал рук на пути самосовершенствования. Он осознавал, что во все времена Отчизне нужны настоящие герои, потому и написал однажды: **«Потомство мое прошу брать мой пример».**

«Наука побеждать» – это формула на все времена. Будем следовать за Суворовым. В истории немало мучеников, банкротов, авантюристов. Есть жертвы обстоятельств и жертвы исторических пожаров. Чему мы можем у них научиться? Поражениям? А Суворов приносит счастье, которым повелевал. Последуем за ним. В таком путешествии и читателям нельзя жалеть себя, тут потребуются открытое сердце и натренированный ум. А равнодушных просим захлопнуть книгу.

Отец Отечества

Прижизненный биограф Суворова, Иоганн Фридрих фон Антинг, лично служивший под командованием полководца, оставил нам достоверную характеристику Александра Васильевича, своеобразный «портрет с натуры», относящийся к последнему периоду жизни Суворова, когда великий воин был уже человеком пожилым и прославленным:

«Ирой наш, не взирая на то, что в продолжение службы своей сделал превеликое множество самых беспокойных переездов и переходов тяжких, до сорока двух тысяч и более вёрст, не взирая на свои военные изнурения и полученные в боях с неприятелями России раны, имеет ещё и поныне бодрый и моложавый вид не по летам своим. Телесные припадки чужды ему, а причина тому то, что он с самой юности своей приучил к всем неприятностям воздушным и трудам тяжким, наблюдает совершенное во всём воздержание, от чего природное сложение его сделалось весьма крепкое.

Будучи во многом отличным от обыкновенных людей, не менее отличается он весьма и образом жизни своей, так как и препровождением и разделением времени своего. Обыкновенно встаёт он от сна весьма рано, летом и зимой, в поле и в селении, всегда прежде четырёх часов. Постель его – не пуховики изнеженных людей, шёлковые, с таковыми же занавесами, но с давнего времени уже есть самое простое произведение природы, на котором также и утруждённый земледелец почивает, – охалка добрая свежего сена, посланная довольно высоко и широко, покрытая холстинною чистою простынёю, да подушка, а плащ вместо одеяла. Он спит обыкновенно весь раздет донага и не имея на теле ни нитки. Летом и доколе погода и время года позволяют, он живёт и спит под палаткою в саду. Одевание его поспевает в немногие минуты. Он весьма чисто плотен, обмывается и обливается водою холодною несколько раз в день. Всегда в мундире или куртке военных, но штатского никогда не надевает, как то халата, сюртука, рукавиц, плаща или шубы, какова бы погода ни была, кроме как в дороге, и то известное время, употребляет он из помянутых платьев которое-нибудь: то есть плащ или тулуп».

Эти строки были написаны в годы великой славы Суворова. Его тезисы на разные лады перефразировали преемники Антинга, биографы Суворова, которых интересовали вершины славы русского генералиссимуса. Конечно, Антинг идеализировал своего героя. Кого же ещё восхвалять, если

не Суворова? Мы же начнём повествование «от печки», с детских лет полководца.

Мраморный бюст А. В. Суворова работы Дж. Мональди. 1795 г.

По древнеримской традиции, лучших своих героев народ называет отцами Отечества. Переняла эту традицию и имперская Россия, провозгласив Отцом Отечества императора Петра – одного из прямых учителей Суворова. И относится к ним с сыновней любовью, передавая из поколения в

поколение предания о сокровенных героях России. Одним из первых в этом списке всегда будет Александр Васильевич Суворов – русский архистратиг Михаил, солдат и генералиссимус, политик и мыслитель. К суворовскому образу мы обращаемся с детских лет – и эта потребность благотворна. Сколько раз пример Суворова вдохновлял нас на большие и малые победы. Сколько раз нам не хватало Суворова – когда, легкомысленно забывая о нём, мы узнавали горький вкус поражений. И, конечно, в любом серьёзном рассуждении о «загадочной русской душе» и народном характере не обойтись без суворовского образа.

Сын генерала Суворова

«Я родился 1730 г. 13 ноября», – писал Суворов в короткой автобиографической записке. Это наиболее достоверная дата рождения Александра Васильевича. Хотя в научной литературе фигурирует и другой год рождения полководца – 1729-й. В те годы к таким датам относились невнимательно. Граф Дмитрий Хвостов – муж племянницы и закадычный друг Суворова – принял решение указать на надгробном камне 1729 год... Церковная запись о крещении Суворова не сохранилась. В XX веке 1729 год снова возник в суворовской литературе после публикации статьи А. В. Гутора «К вопросу о времени рождения Суворова» в «Суворовском сборнике» 1951 года. И всё-таки большинство исследователей, отталкиваясь от автобиографической записки, признают годом рождения полководца 1730-й.

Отец нашего героя – Василий Иванович – начал службу в юные годы денщиком и переводчиком Петра Великого, бу-

дучи восприемником государя. Дед полководца – Иван Григорьевич Суворов – служил генеральным писарем лейб-гвардии Преображенского полка, а какое-то время занимал эту должность и в Преображенском приказе – то есть в могущественной спецслужбе. Ему доверяли, фактически он руководил штабом полка.

Московская Суворовская улица, впадающая в Преображенскую площадь, предположительно, была названа в честь жившего здесь Ивана Суворова. В его доме бывал первый русский император – в те времена молодой царь, крестивший Василия Ивановича Суворова. Пётр приблизил к себе крестника, смышленного подростка Василия – одного из тех мальчишек, которые олицетворяли для императора новую, молодую Россию. Россию просвещённую. В инструкции к агенту адмиралтейства по найму техников К. И. Зотову Петр говорит о своем крестнике: «Суворова отправить в Мардан, где новый канал делают, также и на тот канап, который из океана в Медитеранское море приведен, и в прочие места, где делают каналы, доки, гавани и старые починивают и чистят; чтобы он мог присмотреться к машинам и прочему и мог бы у тех фабрик учиться». Точных данных об учёбе В. И. Суворова за границей у нас нет. Можно лишь предполагать, что молодой полиглот и книгочей не избежал европейского образования – как и его старший брат Иван Иванович, учившийся в Париже.

При Анне Иоанновне он служил военным прокурором. Не раз расследовал весьма деликатные дела – например, участвовал в судебном преследовании

Ивана Александровича Долгорукова. Из песни слов не выкинешь: ссыльного князя, любимца Петра, допрашивали с пристрастием, добиваясь признаний в «злых словах» об императрице Анне. После таких экзекуций Василий Иванович впал в нервное расстройство и решил переменить место службы – из военных превратиться в статского. Впрочем, честолюбие и практичность в его душе всегда одерживали верх над любыми метаниями.

Портрет Василия Ивановича Суворова. *Неизвестный художник*

Во время Семилетней войны В. И. Суворов побывал генерал-губернатором завоёванной Пруссии, проявив себя дельным и экономичным политиком. Пётр III назначил его Тобольским губернатором, но по неизвестным причинам поездка в Сибирь сорвалась, а пост губернатора занял совсем другой человек. Василий Иванович активно участвовал в екатерининском дворцовом перевороте: именно он разружил и арестовал голштинский генералитет в Ораниенбауме. Не удивительно, что при Екатерине он достиг завидных высот военной карьеры, стал генерал-аншефом, премьер-майором Преображенского и подполковником Измайловского полка, всю жизнь служа по юридической части и при Провиантском департаменте и выполняя поручения, о которых до Суворова, уже также бывшего генерал-аншефом в дни составления автобиографической записки, «сведения не доходили». Репутации боевого генерала у Василия Суворова не было. Зато до нас дошли сведения о легендарной *бережливости* Василия Ивановича Суворова, позволившей ему приумножить семейные капиталы. Это качество унаследовал и Александр Васильевич, рачительно относившийся к солдату, не терпевший житейских излишеств, вникавший в экономику, в хозяйственную жизнь своих поместий. Суворовы довольствовались малым, совершая великое.

Императрица Екатерина Великая, шпалера

Где родился Суворов? На этот вопрос исследователи до сих пор не дали окончательного ответа. Наиболее вероятным местом рождения можно признать дом на Арбате, неподалёку от Серебряного переулка, возле церкви Николая Явленного. В этом храме, по-видимому, и был крещён младенец Александр Суворов. Нарекли его в честь святого Александра Невского, память которого отмечается 23 ноября. На всю жизнь Суворов сохранил особенно трепетное отношение к своему небесному покровителю – легендарному князю, полководцу и дипломату. Каменный арбатский дом супруги Суворовы получили в качестве приданого от отца невесты, Федосея Семёновича Манукова, вице-президента Вотчинной коллегии. Увы, дом не сохранился.

В 1729-1730-х годах Василий Иванович Суворов служил прапорщиком лейб-гвардии Преображенского полка. Известно, что он болезненно относился к засилью иностранцев в командных кругах. В послепетровской истории то и дело представительство европейских офицеров и чиновников переходило границы разумного.

В 1740 году Василий Иванович Суворов продаёт старый арбатский дом. Детство полководца продолжилось на берегу Яузы, в знаменитой Покровской слободе (в районе нынешней Бакунинской улицы), в приходе церкви Николая Чудотворца. Есть сведения, что Суворовы продали арбатский дом

ещё до рождения сына – и он появился на свет в Покровской или в любимом имении Василия Суворова – скажем, в селе Глядкове, что во Владимирской губернии, в Переславль-Залесском уезде.

Покровское расположено далековато от Кремля, и всё-таки этот район нельзя назвать окраинным: там гостевали императоры. Тамошний деревянный храм достался Москве в наследство от села Рубцова. В третьем десятилетии XVII века эти места облюбовал первый самодержавный Романов, царь Михаил Фёдорович. По царскому приказу на берегах Яузы устроили загородный дворец, заложили и каменную Покровскую церковь, после чего и село назвали Покровским. Официально в пределы Москвы Покровское включили в 1752 году, когда там и жили Суворовы. В 1765-1766-х годах *суворовская* церковь Николая Чудотворца была перестроена в камне, но к тому времени Суворовы покинут слободу.

Знаешь ли ты трех сестер?

Вера, Любовь и Надежда. С ними слава и победа.

С ними Бог.

А. В. Суворов

Суворовы вели свой род от легендарного предка – шведа Сувора, поступившего на русскую службу в 1622 году. Но это было данью традиции галантного XVIII века – выставлять на щит иностранного предтечу. На самом деле фамилия Суворовых русского происхождения, от слова «суворый» – «су-

ровый». И известен благородный род Суворовых по крайней мере со времён первой половины царствования Иоанна Васильевича Грозного. И, конечно, имелись у Суворовых боевые заслуги перед Родиной. В победном Казанском походе царя Иоанна Грозного 1544 года Михаил Иванович Суворов служил четвёртым воеводой полка правой руки. Через пять лет, в Шведском походе он уже третий воевода большого полка. Сам Александр Васильевич Суворов о боевом отечественном предке не вспоминал, повторяя привычную ему сызмальства легенду о шведе Суворе. При этом самоощущение полководца было выражено известными словами: «Горжусь, что я русский!». И в экстремальных ситуациях, поднимая в бой израненные батальоны (как это было, например, в Альпийском походе), Суворов умело и непритворно взывал к русскому патриотизму. Но таковы законы аристократического космополитизма: требовалась толика экзотики, чтобы среди родственников мелькал кто-нибудь вроде Тиберия или Карла Великого.

Что касается родственников со стороны матери, Суворов наверняка в детстве с любопытством прислушивался к рассказам о прадеде – Семёне Манукове, который безупречно служил офицером в лейб-гвардии Преображенском полку во времена Петра Великого. Таким образом, и Суворовы, и Мануковы были причастны к великим делам первого русского императора и к русской гвардии. Служилое сословие.

В детстве будущий генералиссимус слыл болезненным,

хилым ребенком. История суворовского превращения в богатыря хрестоматийна – подобным образом исправлял собственное кособокоязычие будущий великий оратор Демосфен, о котором юный Суворов читал у Плутарха. Отец, человек осторожный и осмотрительный, и не мечтал о военной славе для любимого сына, но с самых ранних лет Саша Суворов мысленно посвятил себя военной славе Отечества, и это был осознанный личный выбор. В доме Суворовых была изрядная библиотека, открывшая мальчику целый мир, который оказался куда увлекательнее реальности. Наш герой десятки раз перечитывал излюбленные страницы, рассказывавшие о военных подвигах героев древней, средневековой и новой истории, мечтая о собственной славе. Уже тогда Суворов понимал: для этого необходимо упражняться физически и умственно. И он воспитывал себя в спартанском духе, отказавшись от мягких перин и теплой шубы, анализируя стратегию великих полководцев прошлого.

После восшествия на престол дочери Петра положение Василия Ивановича укрепилось. Он стал прокурором возрожденной берг-коллегии – это ведомство управляло горными заводами и рудниками. Для коронации (а она традиционно проходила в кремлёвском Успенском соборе) новая императрица Елизавета надолго прибыла в Первопрестольную. Поселилась она не в Кремле, а по соседству с Суворовыми – в Покровском.

От тех времён у нас осталась легенда о встрече юного Суворова с генералом Ганнибалом – сподвижником Петра Великого и предком Александра Сергеевича Пушкина. Василий Иванович посетовал генералу Ганнибалу, что его сын всему предпочитает уединение в библиотеке. Ганнибал незаметно вошел в комнату Суворова и увидел мальчика, обложенного военными книгами. Они обменялись мнениями о некоторых старинных битвах, после чего Ганнибал сказал Василию Ивановичу: «Оставим его. У твоего сына сейчас собеседники поинтереснее нас с тобой...».

Генерал Ганнибал говорил Суворову: «Если бы жив был наш батюшка Петр Алексеевич, он поцеловал бы тебя в голову и приблизил к себе...». Пройдёт время, и Суворов станет величайшим героем, защитником Российской империи, созданной Петром, – подобно тому, как Ломоносов стал ее первым университетом. Но в те годы юный Суворов колебался – с кого брать пример? – между великим Петром и его соперником, шведским королем Карлом. Этот вопрос Суворов считал важнейшим – и много лет спустя учил солдат: «Выбери героя, бери пример с него, подражай ему в геройстве, догони его, перегони – слава тебе!». В конце концов патристические настроения перевесили: Суворов понял, что Петр Великий воевал за славу Отечества, а Карл Шведский искал личной славы. Значит, Пётр победил заслуженно...

Юный А. В. Суворов. *Художник Н. Самокиш*

Друзей у Суворова было немного. Такие, как Ганнибалы, – наперечёт. В восьми верстах от Гатчины есть село Суйда, там чернокожий соратник Петра приобрёл усадьбу. В Суйду Александр Васильевич приезжал неоднократно. Сначала навещал старого генерала, а после его смерти в 1781 году – старшего сына Абрама Петровича, Ивана Абрамовича. Иван Ганнибал дослужился до звания генерал-аншефа, командовал Черноморским флотом. Заслужил громкую славу героя Чесмы и Наварина. Жил в Суйде холостяком, залечивал раны. Известно, что Суворов не любил собственного отражения и приказывал занавешивать зеркала в тех комна-

тах, где останавливался. Но в доме своего приятеля Ивана Ганнибала он чувствовал себя свободно, и зеркала там не занавешивались. Боевым генералам было о чём поговорить. К тому же два младших брата Ивана – Исаак и Осип – храбро воевали под началом Александра Суворова в Польше.

В. И. Суворов беседует с А. П. Ганнибалом. *Художник Н. Самокиш*

Современники говорили о заурядной, неказистой наружности великого полководца. Да и привычка самого Суворова занавешивать зеркала во всех комнатах, где приходилось ему останавливаться, говорит о том, что Александр Васильевич считал свою внешность несоответствующей канонам героики. Невысокого роста, жилистый, щупловатый... Однако маркиз Дюбокаж – француз, перешедший на русскую службу после революции и служивший в 1794–1796 годах при Суворове, – считал и внешний облик полководца замечательным: «Наружность фельдмаршала как нельзя лучше соответствовала оригинальности его личности. Это был маленький человек слабого сложения, но одаренный природою могучим и чрезвычайно нервным темпераментом... Не похоже, чтобы он когда-либо, даже в молодости, обладал красивой внешностью. У него был большой рот и черты лица мало приятные, но его взгляд был полон огня, живой и необыкновенно пронизательный: казалось, он все пронизывал и исследовал глубину вашей души, когда останавливался на вас внимательно. Я встречал не много людей, у которых чело было бы больше изрезано морщинами, и морщинами настолько выразительными, что лицо его как бы говорило без помощи слов. Характер у него был живой и нетерпеливый: когда он бывал чем-либо глубоко возмущен и рассержен, лицо его становилось суровым, грозным, даже ужасным – оно выражало все чувства, волновавшие его в эту минуту. Но эти минуты были редки и всегда вызваны основательными причинами, а его

суровость никогда не переходила в несправедливость, хотя порой он и бывал чрезмерно едок и язвителен. Проходило возмущение, и черты его лица вновь принимали выражение обычной доброты, следуя за состоянием его души». Дюбокаж застал Суворова уже старцем: служил адъютантом при фельдмаршале в середине 1790-х годов. Описание Дюбокажа – человека, одарённого литературными способностями, – весьма ценный источник знаний о внешности Суворова. Не производил он впечатления богатырской статью и медальным профилем и в молодые годы, когда начинал службу.

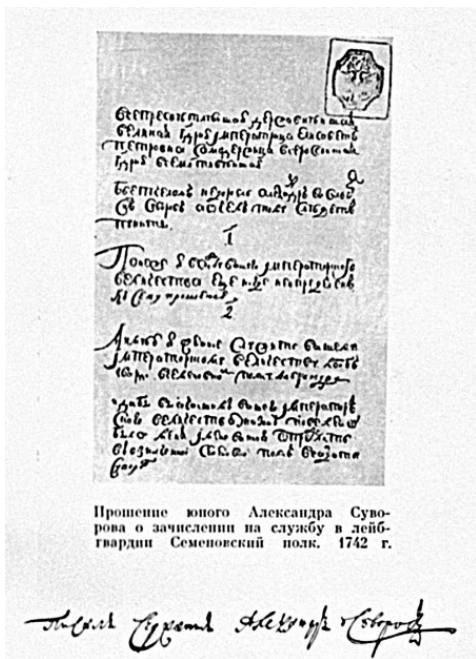
Бог наш генерал.

Он нас водит, от Него и победа.

А. В. Суворов

На склоне лет Суворов однажды сказанул: в молодые годы я считался первым кавалером. Мало кто понял, что старый полководец иронизирует... Дело было в Швейцарии, в Регенсбурге. На балу принцесса фон Турн-и-Таксис попросила придворного художника написать миниатюрный портрет Суворова. И на следующий день кокетливо попросила старика позволить ей благоговейно носить этот портрет на груди. Суворов картинно вскинул голову: «Портрет не похож!». И принялся «уверять всех, что слыл когда-то в России, а потому и по всей Европе первым красавцем и превосходил нежностью тени (т. е. цветом лица. – А.З.) даже сестрицу свою». Нет, рослым молодцем Суворов не был никогда, и дамы во-круг него начали увиваться, только когда возник над головой

полководца ореол славы.

Пршение юного Александра Суворова о зачислении на службу в лейб-гвардии Семеновский полк. 1742 г.

Пршение юного Александра Суворова о зачислении на службу в лейб-гвардии Семёновский полк. 1742 г.

В 22 день октября 1742 года, двенадцатилетним, Суворов был записан солдатом в лейб-гвардии Семеновский полк, располагавшийся на Язуе, по соседству с Покровским. К тому времени Суворов уже получил начальное домашнее об-

разование, учился, как сказано, «понемногу, чему-нибудь и как-нибудь». После зачисления в полк, по традиции, новобранец получил отпуск для продолжения домашней учёбы. Отец лично дал обязательства лейб-гвардии Семёновскому полку: «В том, что находящийся в оном полку 8 роты солдат Александр Суворов имеет обучаться во время его от полку отлучения, то есть, генваря по первое число тысяча семьсот сорок шестого году, на своём коште указанным наукам, а именно: арифметике, геометрии, тригонометрии, артиллерии и часть инженерии и фортификации, також из иностранных языков да и военной экзерциции совершенно, и о том должен я, сколько от каких наук обучится, чрез каждые полгода в полковую канцелярию для ведома рапортовать. *Прокурор Василий Суворов*». Многим наукам отец учил сына самолично: и иностранным языкам, и военным дисциплинам. Скажем, сочинение французского инженера Вобана «Прямый способ укрепления городов», которое Василий Иванович перевёл на русский язык, отец и сын изучали вместе. Для Александра Суворова эта книга стала первым и поистине замечательным учебником фортификации. И всё-таки Суворов остался в истории великим самоучкой – самовоспитание было в его судьбе куда важнее системного образования, важнее родительских наставлений. Отец несколько раз брал Александра в командировки, в которых сын прокурора берг-коллегии постигал жизнь, узнавал людей.

В документах юношу окрестили «недорослем Алексан-

дром Суворовым» (недорослями в XVIII веке называли несовершеннолетних дворян, не поступивших на службу), но он был антиподом фонвизинского Митрофанушки. А пять лет спустя началась действительная служба Александра Васильевича Суворова в русской армии, в которой он прошел долгий путь от солдата до генералиссимуса. Впрочем, нижнюю ступень Суворов, как и все тогдашние дворяне, перешагнул, находясь в учебном отпуске, – и действительную службу начал капралом. Этому званию Александра Суворова удостоили 25 октября 1742 года.

1 января 1748 года вышел приказ: «Явившемуся из отпуска 8-й роты капралу Суворову быть при 3-й роте». Прибывшие из отпусков гвардейцы сдавали экзамены по «указным наукам». И экзамены вполне строгие. Вместе с Суворовым были приняты в полк и отпущены в учебный отпуск двадцать юношей-дворян. Из них только шесть человек продолжили службу после учёбы, выдержав испытания. Основной причиной отсева были проваленные экзамены. Назовём имена пятерых семёновцев, начавших службу одновременно с Суворовым: три подпрапорщика – Николай Волконский, Николай Ходырев, Александр Шереметев. И два капрала, как и Суворов – два Фёдора, Шереметев и Викентьев.

Семёновец

Суворов прибыл в Санкт-Петербург, в расположение Семёновского полка. Из 8-й мушкетёрской роты Суворова переводят в 3-ю (Семёновский полк в то время состоял из одной гренадерской и двенадцати мушкетёрских рот). Поселился Суворов в обширной Семёновской слободе Петербурга. До 1739 года славный полк не имел собственной слободы в столице, и семёновские роты размещались в разных районах Северной Пальмиры. А в 1739-м императрица Анна Иоанновна пожаловала полку территорию «позади Фонтанки, за обывательскими дворами». Шефами полка, гвардии полковниками, по традиции, значились правящие монархи: сперва императрица Анна, а ко времени суворовской службы в петербургской Семёновской слободе – императрица Елизавета. Непосредственным командиром был генерал-фельдмаршал Степан Фёдорович Апраксин – будущий командир русской армии, действовавшей против Прус-

сии на первом этапе Семилетней войны. Как мы увидим, в сражениях он покажет себя болезненно осторожным, нерешительным полководцем, эдаким историческим антиподом Суворова. В полку он проводил не слишком много времени, но радел за интересы семёновцев, гордился их успехами.

Из 6,5 лет службы в гвардии дольше всего Суворов был приписан к 8-й и 1-й ротам, нередко его на время переводили в 3-ю, 4-ю и 11-ю роту. Капрал Александр Суворов присутствует при освещении полковой Введенской церкви, которую исправно посещал в течение службы в гвардии. В 1764 году обветшавшую полковую церковь перестроили на новом месте – на нынешней площади Витебского вокзала. И окончив службу в гвардии, бывая в столице, Суворов посещал Введенский храм, «что в светлицах Семёновских», знал поимённо храмовых певчих.

Жили семёновцы в Слободе с комфортом – на зависть иным полкам. Неподальёку от храма был возведён штаб – полковой двор. Каждая рота получила отдельный участок с собственной парадной съезжей избой. Тесных казарм не было: у каждой роты – по десять изб, в которых жили просторно и чисто. Рядом с хозяевами-дворянами селилась дворня, у некоторых семёновцев – весьма многочисленная. Так, с Суворовым жили двое – Сидор Яковлев и Ефим Иванов. Летом 1748-го Сидор Яковлев ударится в бега, захватив с собой два рубля, и беглого крепостного будут искать.

В праздник Крещения на льду Невы выстраивались все

войска столичного гарнизона – полк за полком. Как только архиепископ опускал в прорубь крест – артиллерия салютовала празднику. Первая крещенская церемония навсегда запомнилась Суворову: он тоже салютовал из ружья, ожидая появления императрицы.

Лубочный образ Александра Васильевича Суворова

В полку Суворов отличался особым усердием, прилежанием к службе. Хоть и генеральский сын, а не избалованный. Среди шумных товарищей он слыл чудаком – за пристрастие к книге. В памяти Суворова осталась его первая награда, рассказ о ней в 1799 году записал со слов генералиссимуса Е. Б. Фукс: «Ещё и поныне храню я в числе моих знаков отличия и целую ежедневно крестовик, всемилостивейше пожалованный мне блаженной памяти государынею императрицею Елисаветою Петровною, когда я, солдатом лейб-гвардии Семёновского полка, стоял в Петергофе у Монплезира на карауле и отдал ей честь. Она изволила спросить меня, как меня зовут. Узнав, что я сын генерал-поручика Василия Ивановича Суворова, хотела пожаловать мне крестовик, но я осмелился сказать: «Всемилоостивейшая государыня! Закон запрещает солдату принимать деньги на часах». – «Ай, молодец! – изволила сказать, потрепав меня по щеке и дав мне поцеловать свою ручку. – Ты знаешь службу. Я положу монету здесь на землю: возьми, когда сменишься». Как я был счастлив». Фукс, конечно, повествует об этом в умилительном стиле, но отзвуки правды в его книге сохранились.

Портрет Ивана Абрамовича Ганнибала. Художник Д. Левицкий

Караульная служба в Летнем саду, в Адмиралтейской крепости и в Петергофе была основной обязанностью семёновцев. Они не только охраняли царский покой от возможных нападений, но и следили за «пожарным случаем», наблюдая на чердаках за печными трубами. Несомненно, он ощущал себя в самом центре родной империи, проникался почётным долгом царёвой охраны. Для людей одержимых, зажжённых героической идеей, гвардейская служба была лучшей школой патриотизма. Распространённой практикой среди офицеров-дворян было отлынивание от караульной службы: они нанимали солдат, которые и отстаивали дежурство за высокородных офицеров. Суворов же относился к дежурствам ревностно, знал наизусть статьи устава, посвящённые обязанностям часового, и, напротив, нередко выручал товарищей, подменяя их на караульном посту. Участвовал будущий генералиссимус и в хозяйственных работах, когда другие дворяне-офицеры только посылали на строительные объекты своих крепостных.

Тщательно обучай подчиненных тебе солдат и подавай им пример.

А. В. Суворов

Несколько позже Суворов становится ординарцем генерал-майора Н. Ф. Соковнина, который, будучи также премьер-майором гвардии, фактически командовал Семёновским полком. По инициативе Соковнина Суворова повыси-

ли в звании: 8 июня 1751 года его производят в сержанты. На это время приходится учёба в Сухопутном кадетском корпусе, где Суворов в качестве вольного слушателя пополнил военное образование, полученное в гвардии. Последние два класса корпусных занятий Суворов посещает прилежно, не чураясь и дружбы с однокашниками. В то время в корпусе гремела слава одного из первых кадетов, поэта А. П. Сумарокова. Вместе с молодым кадетом М. М. Херасковым Сумароков основал первое «Общество любителей российской словесности», членом которого был и Суворов. В 1755 году в журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» появился диалог «Разговор в царстве мёртвых между Александром Великим и Геростратом». Через год в том же журнале был опубликован «Разговор между Кортесом и Монтесумой». Под первым диалогом стояла подпись – «Сочинения А.С.», под вторым – «Сочинил С.». Долгое время эти произведения считались сумароковскими, но в исследованиях С. Н. Глинки было выдвинуто смелое предположение, что автором разговоров загадочным «А. С.» является некто иной, как Суворов. Глинка вспоминал о разговоре с М.М. Херасковым, в котором поэт рассказал ему, что Суворов читал оба разговора в «Обществе любителей российской словесности». Приводилось даже воспоминание об обсуждении диалогов в кругу Сумарокова с суворовской репликой в ответ на писательские замечания: «Я боюсь забыть, что слышал. Я верю Локку, что память есть кладовая ума;

но в этой кладовой много перегородок, а потому и надобно скорее всё укладывать, что куда следует». Фраза вполне суворовская: он постоянно задумывался о свойствах человеческого ума, о том, как можно упражнять память и волю. Сам жанр диалогов в загробном мире – популярный в XVIII веке – требует от автора фантазии и артистизма, чего Суворову было не занимать. Пафос диалогов – размышление над образом истинного героя, милосердного и великодушного, над истинной славой и жалким тщеславием – соответствует суворовской идеологии. И всё-таки у современного исследователя немного оснований приписывать эти произведения перу Суворова, как это сделал

Кирилл Васильевич Пигарев в своей яркой, талантливой во всех отношениях книге «Солдат-полководец» (1943). Скорее всего правнук Тютчева, филолог и историк Пигарев поверил в красивую, но не вполне достоверную легенду Сергея Глинки. Суворов никогда не упоминал «Разговоры» в письмах, а факт публикации в авторитетном журнале был бы лестным для внимательного к литературной жизни полководца. Убедительно сказал В. С. Лопатин: «Тяжёлый язык «Разговоров», написанных по канонам высокого стиля, лишь оттеняет живость, точность и красочность языка суворовских писем». Впрочем, из рассказов С. Н. Глинки нам ясно, что Суворов не был пассивным участником заседаний «Общества любителей российской словесности». Он участвовал в прениях, спорил, выслушивал замечания, сло-

вом, учился.

Памятник Абраму Петровичу Ганнибалу в Пушкинских
Горах

Формально Суворов не был кадетом, но на мраморной доске в Первом кадетском корпусе имя слушателя занятий, генералиссимуса А. В. Суворова значилось наряду с выдающимися выпускниками корпуса – фельдмаршалами П. А. Румянцевым-Задунайским, М.Ф. Каменским, А. А. Прозоровским.

Долгих одиннадцать лет (считая пять с лишним лет учебного отпуска) Суворов служит в нижних чинах – с 1747 года капралом, затем – подпрапорщиком, сержантом, затем – премьер-майором...

В 1752 году ему поручили ответственное задание, требовавшее распорядительности и знания иностранных языков: сержант Суворов был послан с депешами в Вену и Дрезден. Он увидел Европу, увидел будущих противников и соратников. Командировка вышла длинной – аж на полгода. Сержант... Сверстники Суворова – такие же аристократы, как Александр Васильевич, успели обогнать его по службе, но медленное продвижение по служебной лестнице сформировало суворовский гений. Служба в нижних чинах позволила зоркому, усердному исследователю армейской жизни составить объективное мнение о человеческих качествах и профессиональных возможностях русского солдата. Суворов подзадержался в нижних чинах, и это помогло ему изучить солдатство. Прав Денис Давыдов: «Суворов положил руку на сердце русского солдата и изучил его биение». Без службы в нижних чинах Суворов никогда бы не стал истинно *народным* генералом. Прославленный герой и в лучшие дни своей великой славы ценил собственную близость к народу, солдатскую простоту, иногда с лукавством называя ее «грубостью». В годы наивысшей славы полководца Суворова российская элита переживала период лихорадочного увлечения

европейской, а в первую голову – французской культурой. Именно тогда галльская картавинка стала родовым признаком русской аристократии, которая всё чаще изъяснялась не на родном языке. Суворов со своими солдатскими замашками казался галломанам совсем уж эксцентрической личностью. А для патриотов, для русофилов всех поколений Суворов станет боевым знаменем.

...В начале 1754 года С. Ф. Апраксин – командир гвардейцев-семёновцев – ходатайствовал перед императрицей о производстве отличившихся унтер-офицеров гвардии в армейские офицеры. И 25 апреля гвардейцы смогли ознакомиться с поимённым списком унтер-офицеров, получивших первые офицерские чины. Таковых насчитывалось 176 человек, большинство из них стали подпоручиками. 35 особо прилежно служивших в гвардии унтер-офицеров сразу были произведены в поручики – и среди них Александр Суворов. В чередѣ подписей под грамотой о производстве Суворова в поручики мы находим и подпись члена присутствия Военной коллегии, бригадира Василия Ивановича Суворова. Теперь Суворов получил право выбрать полк, в котором ему предстояло продолжить военную службу. Молодой поручик выделил два полка – Ингерманландский и Астраханский, прославленные в баталиях петровской Северной войны. И 10 мая он получил назначение в Ингерманландский полк, входивший в дивизию генерала А. И. Шувалова. Этот славный полк связан с героическими днями службы второго

российского генералиссимуса Александра Даниловича Меншикова – ингерманландцы отличились при Калише, победно сражались при Лесной. Слава полка подтвердилась и в Полтаве. Полтава для русского сердца в те годы была главной рифмой к слову «слава». Победа для России – это всенародная идея, объединяющее начало в идеологии и культуре. Куликовская битва, Бородино, Великая Отечественная... А для империи XVIII века системообразующей Победой была Полтава – ключевой подвиг основателя империи Петра Великого. В Ингерманландском молодой Суворов впитает полтавские традиции, без которых не было бы науки побеждать.

Семилетняя война

С неиссякаемой любознательностью он постигал, почём хлеб младшего армейского офицера. Однажды Суворов с блеском выполнил задание – проверить снабжение солдат и унтер-офицеров, после чего его и решили использовать в хозяйственных службах и армейской юриспруденции. Сказалось и влияние отца: он считал, что Александру не хватит здоровья, чтобы с преуспеванием тянуть армейскую лямку.

Служба в Ингерманландском оказалась недолгой: Суворова переводят на хозяйственную службу, обер-провиант-мейстером, что соответствовало капитанскому чину. Это Василий Иванович пытался пристроить его в обжитых пенатах военно-хозяйственных служб. Новым местом службы стал древний Новгород, а в ведении Суворова оказались продовольственные и фуражные склады-«могазеины» в самом Новгороде, Старой Руссе и Новой Ладогe.

Но молодой офицер видел себя героем, истинным воякой

– и побеждал природную хилость ежедневными изнурительными упражнениями. В те годы он уже ежеутренне обливался колодезной водой, совершал долгие пробежки, в любую погоду одевался легко.

28 октября 1756 года – новое назначение, на этот раз – в военно-судной области. Суворов становится генерал-аудитор-лейтенантом, в непосредственном подчинении Военной коллегии. Это было повышением по службе: звание генерал-аудитор-лейтенанта соответствовало премьер-майорскому. Отныне в его ведение попали многочисленные армейские уголовные дела. Юридическая специфика не пришлась по душе Суворову, да и продержался он в Аудиторианте недолго: в конце лета Россия объявила войну Пруссии, началась Семилетняя война. А в декабре Суворов сдаёт дела в аудиторской экспедиции и переезжает на новое место службы – в Либаву (ныне – Лиепая), ближе к театру военных действий. Фельдмаршал Бутурлин формировал в Прибалтике войска для выступления в Восточную Пруссию.

Как мы видим, первые месяцы и годы офицерской службы Суворова потребовали навыков быстрого вникания в специфику разных областей армейской науки и жизни. В будущем полководцу пригодится и знание тайных пружин интендантской работы, и компетентность в правовых вопросах. Хотя с этими службами Суворову не раз придётся хлебать прогорклую кашу интриг, взаимного недоверия, а то и прямой вражды. Подчас полководец бывал мнителен к интендантам, но

чаще его претензии будут оправданными – и так до последних дней жизни.

Судьба отдаляла молодого офицера от строевой службы. Но Александр Васильевич не желал идти по стопам отца, давно поняв своё призвание боевого генерала, если угодно, нового Тюренна или Ганнибала. А блестящие подвиги молодого генерала Румянцева подавали отечественный, родной пример, за которым хотелось следовать. По письмам и воспоминаниям легко составить портрет Суворова – человека пылкого, самолюбивого, преданного полководческой звезде. С какой же страстью он стремился на поля сражений Семилетней войны – туда, где ковалась европейская слава русского оружия.

Детство А. В. Суворова. *Художник Н. Самокиш*

В 1758 году Суворова производят в подполковники, и в его биографию пушечным громом и свистом сабель врывается Семилетняя война. К тому времени Василий Иванович Суворов был уже главным полевым интендантом. Отец (несколько позже) с нескрываемым сожалением напишет о Суворове, обращаясь к самой императрице: «Сын Александр по молодым летам желание и ревность имеет ещё далее в воинских операциях практиковаться». Но он понимал: упрямого Александра не переделаешь и перестал препятствовать его порывам.

Ситуация резко изменилась только в 1759 году. Суворова назначают дивизионным дежурным при армии генерала В.

В. Фермора; в этом качестве двадцатидевятилетний подполковник принимает участие в победном для Российской армии сражении при Кунерсдорфе. Эта виктория над Фридрихом Великим, конечно, стала ярчайшим впечатлением военной молодости Суворова.

Портрет генерал-аншефа Виллима Виллимовича Фермо-

Генерал Фермор вошёл в историю во многом благодаря своему великому ученику, но и без суворовского ореола мы видим честную армейскую судьбу боевого генерала.

Что такое генерал Фермор? Сын выходца из Англии, русский полководец и граф Священной Римской империи. Его звали Вильгельмом, но в те годы более привычным для русского уха показалось сочетание «Виллим Виллимович».

Был адъютантом фельдмаршала Миниха, его правой рукой. Отличился в кампаниях 1736–1738 годов, под командованием Миниха сражаясь с турками. Командовал авангардом, совершал подвиги. Однажды – дело было в 1737 году – небольшой (в 350 сабель) конный отряд Фермора был окружён турецко-татарскими войсками, раз в десять превосходившими русских численно. Невозмутимый Фермор построил пешее каре и отразил атаку. Был тяжело ранен – и, конечно, этот подвиг заметили, произвели Фермора в генерал-майоры. В 1739 году генерал Фермор не менее храбро бился при Ставучанах, ворвался в лагерь Вели-паши.

В шведскую кампанию 1841 года овладел Вильманстрандом, чем существенно упрочил своё положение в армии. Один из главных героев Семилетней войны, в которой участвовал в высоком чине генерал-аншефа.

Осторожность, порой – медлительная основательность Фермора не отвечала надеждам Суворова, но служба рядом

с опытным и толковым боевым генералом была отменным университетом. Можно было поучиться у Фермора и административным навыкам, умению заботиться об офицерах и солдатах, держать в голове задачи всех армейских служб. Фермор выделял Суворова, доверял ему – и в истории останется изречение будущего генералиссимуса: «У меня было два отца – Суворов и Фермор».

*Одна минута решает исход битвы,
один час – успех кампании,
один день – судьбы империи.
Я действую не часами, а минутами.*

А. В. Суворов

Под командованием Фермора русская армия заняла всю Восточную Пруссию, взяла Кёнигсберг. Фермор был одним из русских генерал-губернаторов Восточной Пруссии (в другое время этот пост, как известно, занимал «благородный родитель» Василий Иванович Суворов). Однако осада Кюстрина не принесла ему успеха.

Словом, расчетливый и волевой генерал – один из тех, кто предопределил победные традиции русской армии елизаветинских и екатерининских времён. Суворов учился у него главным образом полководческой дисциплине, воле.

Война быстро охватила всю Европу, воздействовала и на жизнь тех держав, которые в боевых действиях участия не принимали. В историческом контексте Фридрих Великий был в известном смысле прямым предшественником Бона-

парта, а Семилетняя война – прообразом будущих Наполеоновских и мировых войн.

Сражение при Кунерсдорфе 1 августа 1759 года стало первой крупной битвой, в которой принял участие подполковник Суворов, до тех пор только мечтавший о великих баталиях. В штабе Фермора он был личностью заметной: подполковник, приближенный к командующему. Армия Фридриха считалась лучшей в Европе по выучке и стойкости, но Суворов, осознавая это, скептически относится к прусской военной системе. Рабское следование военной науке побед не приносит – сражения Семилетней войны это показали. Суворов видел и недостатки русской армии, в которой ещё не хватало грамотных и опытных офицеров, настоящих солдатских воспитателей – нередко военная элита формировалась по принципам знатности происхождения. Позже Александр Васильевич напишет: «На войне нужны другие полковники и другой штаб, армейского происхождения».

Прусское неумение завершать бой штыковой атакой Суворов считал слабостью: решительный штыковой удар вызывал восхищение подполковника. Ведь это – ключ к победе. Любовь Суворова к штыковой атаке (а он останется ей верен вплоть до последних сражений отряда Багратиона в Альпах) не была лишь блажью или эмоциональной привязанностью полководца. Умело владеющий штыком солдат выбивает из строя от двух до четырёх противников. Суворов любил добавлять, подзадоривая своих воинов: «А я и больше видал».

Качества стрелкового оружия во времена Суворова позволяли добиться примерно десятипроцентной точности попадания на расстоянии 300 шагов. Эффект залпового огня достигался на расстоянии 60–80 шагов, которое Суворов намеревался легко преодолеть быстрым броском пехоты, которая штыковым ударом сметает стрелков, готовившихся к новому залпу. Нужно только научиться бежать вперёд под огнём, перебороть страх. Потому-то и говорил Суворов: «Пуля – дура, штык – молодец». Сколько пуль пропадает даром на поле боя! А штык, известное дело, «не обмишуются». Другой изъян прусской системы – неспособность к быстрым маневрам. Итак, выявлялись первые принципы суворовской системы подготовки войск: ускоренные переходы и умелые штыковые атаки.

Осенью 1760 года Суворов, как офицер, близкий к Фермору, принял участие в рейде на Берлин конного корпуса генерал-поручика Чернышова. Русские войска заняли Берлин 28 сентября, взяв 4000 пленных и 57 орудий, но через несколько дней оставили город, опасаясь наступления многочисленной армии Фридриха.

Армия Румянцева вела осаду Кольберга. Фридрих Великий послал конный корпус генерала Платена, который должен был сорвать блокаду Кольберга. Румянцев выдвинул против него русский конный корпус – под командованием генерал-майора Густава Густавовича Берга. Выходит приказ:

«Так как генерал-майор Берг выхваляет особливую способность подполковника Казанского пехотного полка Суворова, то явиться ему в команду означенного генерала». Конный корпус генерала Г. Г. Берга стал для Суворова наилучшим университетом Семилетней войны. В июле и августе 1761 года Суворов в составе корпуса Берга участвует в сражениях под Бреславлем, Вальдштатом и Швейдницом.

Первое время в корпусе Берга Суворов действовал в составе легкоконных команд, пользуясь относительной самостоятельностью. Так, сформировав отряд из казаков Донского полка С. Т. Туроверова, Суворов захватывает город Ландсберг. Нападение на прусский отряд вышло оглушительно внезапным, удалось взять в плен двоих офицеров и тридцать солдат. По приказу Суворова солдаты разобрали мост через Варту, чтобы помешать продвижению армии Фридриха. Во всех схватках с прусскими отрядами Суворов выходит победителем, действуя смело и решительно. Рассеяв и потеснив противника, Суворов непременно устраивает преследование, стремится уничтожить врага, ибо «недорубленный лес снова вырастает». Мы снова и снова будем повторять эту максиму Суворова, которой он руководствовался во всех боях.

Портрет А. В. Суворова. Художник Н.-С. Фросте. 1838 г.

Наведя понтонный мост, корпус Платена всё-таки форсировал Варту и остановился в Бирнштейне. Берг послал в разведку боем отряд лёгкой конницы – гусар и казаков – под командованием двух полковников (Зорина и Попова) и подполковника Суворова. Дерзкое нападение принесло успех: русская конница разбила три эскадрона, взяла в плен более семидесяти солдат и одного артиллерийского офицера и без потерь ускакала прочь. 4 октября Суворов принимает участие в заметном сражении у деревни Вейсентин. Там рас-

положился прусский отряд майора Подгарли. Берг приказал разбить отряд и взять в плен майора. Суворов с лёгкой конницей смело, яростно атаковал закрепившегося в деревне противника. В плен взяли самого Подгарли. Позже пришло известие, что прусский отряд, шедший на помощь Подгарли, повернул к Грейфенбергу. Суворов с готовностью возглавил преследование и настиг арьергард. С полусотней новых пленных Суворов вернулся на русские позиции. Полный успех! И приказ выполнен, и инициатива оказалась удачной.

Таланты Суворова отметил Румянцев, внимательно приглядывавшийся ко всем русским командирам. «Быстр при рекогносцировке, отважен в бою и хладнокровен в опасности» – такое румянцевское определение Суворова даёт А. Петрушевский. Таким Суворов показал себя при штурме Гольнау, когда повёл гренадер в штыковую атаку на прусские войска, защищавшие ворота города. Штыками бойцы Суворова далеко отгеснили врага и перебили многих. В жарком бою Суворов был ранен, ранило под ним и лошадь. Лекаря, разумеется, поблизости не оказалось. Подполковник со спартанским спокойствием промыл рану в речной воде и сам перевязал её. Мы не знаем, называл ли он уже тогда своих солдат чудо-богатырями. Но мог бы, право слово.

Уже тогда он в короткие сроки обучал солдат навыкам штыкового боя. Что такое штыковой бой по-суворовски? Атаковали сомкнутым строем. «В двух шеренгах сила, в трёх – полторы силы, передняя рвёт, вторая валит, третья довер-

шает...» Суворов требовал сохранения строевого порядка даже в самом яростном бою. Строем нужно было настичь противника и поразить могучим колющим ударом. Это солдаты оттачивали на плетнях и мешках-манекенах. Добежал – вонзил штык, выдернул, снова вонзил. Суворов сам демонстрировал сноровистую технику штыкового удара. До старости принимал участие в учениях.

В ноябре 1761 года подполковника Суворова назначают командующим Тверским драгунским полком вместо тяжело заболевшего полковника де Медома. «Сего подполковника к тому способность ему, генерал-майору, весьма известна, на которое его представление данным ордером и приказано подполковника Суворова для командования тем полком определить», – писал генерал Берг.

С этим полком Суворов участвует в лихих сражениях у Фарцына, в заключительных боях за Кольберг. Командующие в своих реляциях не забывали о подвигах решительного и расчётливого командира. В 1761 году Суворову удалось достаточно ярко проявить свои таланты на поле брани. Полководец подробно вспоминал о той кампании в автобиографии: «Состоял в лёгком корпусе при генерале Берге и был под Бригом, при сражениях бреславльском с генералом Кноблехом и разных шармицелях, на сражении близ Штригау, при Гросс- и Клейн-Вандриссе, где предводил крылом в две тысячи российского войска». Заметим: Суворову было уже за

тридцать, а он только снискал первую – робкую – славу.

Главный же подвиг Суворова в Семилетнюю войну был совершён всё-таки под стенами Кольберга (не забудем и польский вариант названия этого города – Коложбег). Под Кольбергом Суворов принял командование над казачьим полком Туроверова. Штурм Кольберга трудно было позабыть: «Генерал граф Петр Иванович Панин прибыл к нам с некоторого пехотою; я одним гренадерским батальоном атаковал ворота, и, по сильном сопротивлении, вломились мы в калитку, гнали прусской отряд штыками чрез весь город за противные ворота и мост до их лагеря, где побито и взято было много в плен; я поврежден был контузией – в ногу и в грудь – картечами; одна лошадь ранена подо мной». Русский солдат, вступивший в Семилетнюю войну, одолел лучшую армию Европы, показал себя терпеливым и неустрашимым. Чувствуя, что «наша берёт», Суворов осознавал, что не прошли даром уроки Семёновского полка, уроки Сухопутного корпуса и, наконец, уроки тех собеседников, с которыми он не разлучался в отцовском доме, – великих полководцев, умевших управлять капризами судьбы. Ведь Александр Васильевич без кокетства признавался: «У меня много старых друзей: Цезарь, Аннибал, Вобан, Кегорн, Фолард, Тюренн, Монтекукули, Роллен... и всех не вспомню. Старым друзьям грешно изменять на новых...» Впредь Суворов не сомневался в замечательных качествах русского солдата – уверенность, что «русские прусских всегда бивали», не раз

помогала Суворову в безнадежных ситуациях. Раны, полученные под Кольбергом, не были последними. У Фридриха было чему поучиться. Прежде всего – «единству мыслей». Хромой Фриц если уж воевал, самозабвенно отдавал этой стихии все силы. Но Суворов в стычках с пруссаками не знал поражений.

Я не люблю соперничества, демонстраций, контр-маршей.

*Вместо этих ребячеств —
глазомер, быстрота, натиск —
вот мои руководители.*

А.В. Суворов

Суворов заметно отличился в кампании 1761 года – всё чаще его имя упоминается в журнале боевых действий в связи с большими и малыми победами: «Лёгкие войска и с ними подполковник Суворов в погоню посланы, которой неприятелю немалый вред причинил», «Подполковник Суворов весьма храбро поступал и за неприятелем чрез местечко и по мосту гнался», «Подполковник Суворов... 3 эскадрона неприятельские вовсе разбили, гнавшись даже до неприятельского фронта».

После выздоровления командующего Тверским драгунским полком Суворову вверили другой драгунский полк – Архангелогородский. Вообще в кампании 1761 года Суворову доверяли командование над различными летучими отрядами, а иногда и над гренадерами. Командиры использова-

ли храбрость Суворова, его склонность к быстрым операциям. Преследование арьергарда противника, разведка боем, прикрытие отступления русской армии – всё это характерные для Суворова задания. Особенно ярко он проявил себя, когда корпус Румянцева под Кольбергом успешно отражал контратаку принца Вюртембергского.

Портрет генерал-фельдмаршала Петра Семёновича Салтыкова

Заслуги великого солдата в Семилетней войне были вознаграждены с болезненным для Суворова опозданием. В сражениях Семилетней войны на Румянцева подполковник Суворов произвёл впечатление как способный, энергичный командир кавалерийских отрядов. Реляцию великий Румянцев писал Петру Третьему 6 июня 1762 года: «Генерал-майора князя Голицына пехотного полку подполковнику Александру Суворову, как он всех состоящих в корпусе моём подполковников старше, да и достоин к повышению в полковники, но что он, хотя в пехотном полку счисляется, однако почти во все минувшие кампании, по повелению командующих Вашего Императорского Величества армиею генералов, употребляем был к лёгким войскам и к кавалерии, как и ныне Тверским кирасирским полком, за болезнь полковника командует и склонность и привычку больше к кавалерии, нежели к пехоте получил, в подносимом при сём списке ни в которой полк не назначен и всеподданнейше осмеливается испросить из Высочайшей Вашего Императорского Величества милости, его, Суворова, не состоящую в кавалерийских полках ваканцию в полковники всемилостивейше произвести».

Румянцев давно предлагал произвести расторопного под-

полковника Суворова в полные полковники. Умерла императрица Елизавета, а новый монарх, Пётр III, не слишком доверявший отцу полководца, Василию Ивановичу Суворову, отложил производство... И это несмотря на то, что Румянцев ходил в любимцах Петра III!

Александр Васильевич, как и многие в армии, относился к новому императору с недоверием: Пётр III больше думал о родной Голштинии, чем о России, к тому же он боготворил прусского короля. Все победы елизаветинского времени оказались бессмысленными: голштинiec стал союзником Фридриха. Россия к тому времени завоевала половину Пруссии, в Кёнигсберге несколько лет сидел русский генерал-губернатор. Всё пошло прахом, всё вернули Фридриху. Конечно, боевые офицеры от таких подарков императора приходили в негодование. Словом, Суворов стал полковником только после дворцового переворота, на волне празднования восшествия на престол императрицы Екатерины. «Подполковника Александра Суворова жалует мы нашим полковником в Астраханский полк» – таков был указ, в котором учитывались и заслуги Василия Ивановича, сделавшего правильную ставку во дни переворота.

А дело было так. Нежданно-негаданно Суворова вызвали в столицу. Прошло кратковременное правление Петра III, трон заняла Екатерина, и пришло время чествовать офицеров, отличившихся в последних победных сражениях Семилетней войны. Отец позаботился о том, чтобы Александру

приказали доставить депеши в Петербург и представили императрице... Вот тогда Суворов и был произведён в полковники и назначен командиром Астраханского пехотного полка.

Иные ровесники Александра Васильевича, не имевшие суворовского боевого опыта, уже ходили в генералах... Но судьба великого героя состояла в неторопливом, заслуженном возвышении. В старости, когда награды сыпались на Суворова как из рога изобилия, он произнес знаменательное: «Я не прыгал смолоду, зато прыгаю теперь...».

Полковник Суворов

Астраханский полк квартировал в столице, на Васильевском острове. В полковом списке значились шестнадцать капитанов, а среди них – шестнадцатилетний Михайло Илларионович Голенищев-Кутузов. Но Суворов недолго командовал молодцами-астраханцами. Почему? Истекал срок пребывания этого полка в столице, а императрица доверяла сыну Василия Ивановича Суворова и хотела оставить его на виду.

Весной 1763 года Суворов получает новое назначение – он принял в командование Суздальский полк. Вот-вот этот полк должен был прибыть в столицу для несения караульной службы.

Расположились суздальцы на Васильевском острове. А «непременные квартиры» Суздальского полка располагались в Новой Ладоге. Полк – это две роты, собственно мушкетёрская и гренадерская плюс полковая артиллерия. Муш-

кетеры, гренадеры, фузилеры и унтер-офицеры были вооружены фузеями и тесаками, а офицеры – ружьями и шпагами. Суздальский полк находился не в лучшем состоянии. Суворову нужно было привести его в порядок. Изучить полк, вжиться, определить его слабые стороны и преодолеть их – вот достойная задача для будущего Ганнибала. На полковых командирах вся армия держится – Суворов понимал это и взялся за лямку с воодушевлением.

Форма суздальцев – зелёные кафтаны с красными камзолами, белые штаны и чёрные тупоносые башмаки с надетыми поверх них накладными суконными голенищами – гамашами. На офицерском нагрудном знаке красовался полковой герб – белый сокол в княжеской короне на фоне золотого щита. Герб напоминал о древнем Суздале...

Полк сформировали в петровские времена, а именно – летом 1707 года. Полковой праздник отмечался 21 июня. Впрочем, первоначально армейское образование сформировали на год раньше. Называли его Ренцелев полк – по фамилии первого командира. Полк участвовал в Полтавской битве – ренцелевцы били шведа, а вёл их в бой сам Александр Меншиков. Вместе с другими полками они преследовали шведа до самой Переволочны. Наконец, в 1727 году полк получил наименование Суздальского – по имени провинции, в которой он тогда располагался. Герб Суздаля – «В пересечённом лазурью и червленую полю натурального цвета обращённый и обернувшийся сокол с воздетыми кры-

льями, увенчанный золотой закрытой короной». В 1730 году императрица

Анна Иоанновна утвердила изображение герба для знамени Суздальского пехотного полка. Сокол раскинул крылья в золотом щите, наверху – княжеская корона. С молодцами-суздальцами Суворов пересекался в годы Семилетней войны. Они входили в Мемель, стояли насмерть при Цорндорфе, штурмовали Кольберг. Ветераны прусских кампаний стали опорой Суворова, когда он решительно взялся за дело.

Заместителем Суворова стал подполковник Яков Трусов – высокообразованный дворянин, прирождённый литератор. Он первым принялся переводить на русский язык «Робинзона Крузо» – и заслужит похвалу императрицы. Зато следующее литературное предприятие Трусова – перевод сатир Готлиба Рабинера – повлекло опалу. Беседы с Трусовым стали для пытливого Александра Васильевича новой страницей в самообразовании.

Честь моя мне всего дороже.

Покровитель ей Бог.

А. В. Суворов

Россия стала в XVIII веке истинной воинской державой. Дворянство исполняло офицерский долг – хотя вольности начиная с Петра III постепенно развращали «опору империи». Солдатство сплошь состояло из потомственных крестьян. Разумеется, помещики старались отдавать в рекруты

никудышных работников, подсовывали пьяниц и вертопрахов – и новобранцы представляли из себя тёмную массу. Армия становилась для них школой во всех отношениях – и вопросы воспитания для командиров стояли на первом месте. Таким воспитателям, как полковник Суворов, удалось «натренировать» лучшего в мире солдата – терпеливого, преданного офицерам, крепкого, непобедимого в штыковой атаке.

Нужно заметить, что тогдашняя несправедливость фортуны подчас доводила Суворова до невеселых мыслей, граничивших с отчаянием, но полководец побеждал их своей стоической выдержкой и не унывал. Он квалифицированно и вдохновенно исполнял свой полковничий долг в Астраханском, а затем и в Суздальском полку. Более того, Суворов наслаждался службой, творчески осмысляя каждый нюанс армейской жизни. В те годы он создаёт замечательный литературный памятник военной мысли – «Полковое («Суздальское») учреждение». В этом сочинении Суворов проявил себя не только как яркий теоретик и вдумчивый практик, но и как самобытная личность, настоящий вождь, готовый к подвигам во имя спасения Отчизны.

**ПОЛКОВОЄ
УЧРЕЖДЕНІЄ**

Аадога. . .

Титульный лист рукописного издания суворовского «Полкового учреждения». 1763–1764.

Семилетняя война заставила многих пересмотреть устоявшиеся воззрения в военной науке и армейской практике. Ранения, дезертирство, болезни вдвое ослабляли армию в годы войны. Суворов видел, как эти прискорбные факты мешали развить успех, добить противника. Критически переосмысляя уроки древних и современных войн, Суворов принялся создавать из вверенного ему полка боеспособную, обученную армейскую силу. Суворов не уставал следить за работой интендантов, за выпечкой хлеба, негодовал, когда задерживалась доставка горячего питания для солдат: «Ужин варить свежее, а когда выедят, того ж часу котёл чисто песком вычистить; каша бы доварена и не сыра была; сие весьма служит для соблюдения здоровья». Патриархальный православный дворянин, Суворов хорошо знал фактуру рекрутской армии, понимал крестьянских сынов. Рекрутов в армию выдвигали крестьянские общины – и в основном из них получались солдаты, тяготеющие к коллективным действиям, к общинной морали. Это была не армия индивидуалистов-наёмников. Параллельно с армейскими подразделениями существовали неформальные солдатские артели, участники которых были связаны круговой порукой. «Сам погибай, а товарища выручай», – сформулировал Суворов действенное правило, изучив общинное нутро рус-

ского богатыря. В «Полковом учреждении» Суворов прославляет трудолюбие и называет праздность самым опасным недостатком солдата. И потому полковник придаёт решающее значение учениям, усердной «экзерциции» каждого солдата. Вышколенный суворовский солдат-суздалец мобилен, подвижен, быстр, «ко всякому движению и постановлению фронта против неприятеля искусен». Он же умеет быстро заряжать ружьё, стрелять проворно и метко, своевременно исполняя приказы офицеров. Каждый офицер обязан быть педагогом, учить солдат боевым премудростям. Вот так, например, Суворов очерчивает обязанности ротного командира: «К своим подчинённым имеет истинную любовь, печётся о их успокоении и удовольствии, содержит их в строгом воинском послушании и научает их во всём, что до их должности принадлежащем». Увы, суворовские инструкции времён суздальского учреждения по технике ведения штыкового боя не сохранились. Но выдающаяся роль штыка в современной ему войне в суздальские годы была Суворову вполне ясна. Что касается послушания (Суворов любил и понимал это церковное слово!) и воинской дисциплины – процитируем такой пассаж: «Умеренное военное наказание, смешанное с ясным и кратким истолкованием погрешности, более тронет честолюбивого солдата, нежели жестокость, приводящая оного в отчаяние».

Поговаривали, что Суворов напялил на себя маску экс-

центрика, чтобы схватить за хвост неподатливую фортуна. «Я бывал при дворе, но не придворным, а Эзопом и Лафонтеном: шутками и звериным языком говорил правду. Подобно шуту Балакиреву, который был при Петре Первом и благодетельствовал России, кривлялся я и корчился. Я пел пелухом, пробуждая сонливых, угомоняя буйных врагов Отечества», – скажет Суворов в пору славы. «Так как с первых шагов на пути славы он встретил соперников завистливых и сильных настолько, что они могли загородить ему дорогу, то и решился прикрывать свои дарования под личиной странности. Его подвиги были блистательны, мысли глубоки, действия быстры. Но в частной жизни, в обществе, в своих движениях, обращении и разговоре он являлся таким чудачком, даже можно сказать сумасбродом, что честолюбцы перестали бояться его, видели в нём полезное орудие для исполнения своих замыслов и не считали его способным вредить и мешать им пользоваться почестями, весом и могуществом», – рассуждал французский посланник граф Сегюр – надо признать, проницательный господин.

Чудачества помогали найти общий язык с солдатами, у которых Суворов сознательно приобрёл репутацию колдуна. Он кукарекал, задавал странные вопросы и давал нарочито уклончивые, даже абсурдные ответы. Таким и запомнили его при дворе – ещё полковником.

С Суздальским полком Суворов немало времени про-

водил в Санкт-Петербурге, организуя караульную службу. Вспоминались годы службы в Семёновском полку, в гвардии, но тянуло почему-то подальше от столиц. Командира образцового полка представили великому князю Павлу Петровичу – русскому Гамлету, с которым многое будет связано в судьбе Суворова. Сохранился исторический анекдот: «Однажды Суворова пригласили в кабинет к великому князю Павлу Петровичу. Едва войдя в кабинет, Суворов начал гримасничать и проказничать. Павел остановил его: «Мы и без этого понимаем друг друга». Что их объединяло? У обоих руки связаны! Павла отстранили от власти, Суворова не выдвинули в генералы...

В Петербурге ему нездоровилось. Он нечасто впадал в кручину, но в одном из писем: «Чую приближение смерти. Оная меня со свету потихоньку сживает, но я её презираю, позорно умирать не желаю, а желаю встретить её только на поле сражения». Ему предстояло ещё 35 лет провести в учениях и боях!

К тому времени Суворов уже определился в своей неприязни к придворной жизни. С октября 1764 по осень 1768 года полк дислоцировался в Новой Ладоге, где несколько лет назад Суворову уже приходилось бывать по интендантским делам. Увы, полковой архив давно погиб – и, кроме сравнительно недавно обнаруженного «Полкового учреждения», документы того времени утрачены.

В Новой Ладоге вместе с офицерами и солдатами Суворов

построил деревянную церковь во имя святых апостолов Петра и Павла, а ещё – школу для местных ребятишек. С азартом махал топором, работал наравне с молодыми. По многочисленным свидетельствам ладожцев, Суворов самолично прилежно и мастеровито вырезал деревянный крест для храма. Осталась его фотография конца XIX века.

Полк располагался в Староладожской слободе, в южной половине Новой Ладogi. Мушкетёры селились в городских домах – на постое. Горожане официально несли эту повинность: принимать своих защитников. Но дополнительно для солдат построили на берегу канала вместительные казармы. Полк – это около двух тысяч человек, а в Новой Ладoge в те годы проживали три тысячи человек, вместе со стариками и детишками. Представляете, насколько заметным явлением был Суздальский полк? Да в Новой Ладoge в те времена всё зависело от мушкетёров: и устройство садов, и ремонт государственных зданий, да и вообще городская атмосфера. А полковник, выходит, был первым человеком в городе. Он задавал тон. И у Суворова это получалось превосходным образом.

В Новой Ладoge сохранился дом, в котором в суворовские времена располагалось офицерское собрание, – весьма вероятно, что это было первое подобное учреждение в России. Небольшой деревянный дом со славной историей. В годы Великой Отечественной здесь располагался морской госпиталь, а Новая Ладoga была важнейшим пунктом на Доро-

ге жизни! Уверены, что в этом доме необходимо устроить музей... Легендарное здание, истинно суворовская точка на карте города!

Суворов основательно подходил к воспитанию полка, заботился и об образовании, и о досуге офицеров. Требовал от них службы не просто исправной, но и самоотверженной. Приходилось преодолевать аристократическую вальяжность многих офицеров... Требовал, чтобы они посвящали армии всё своё время.

*От храброго русского гренадера
никакое войско в свете
устоять не может.*

А. В. Суворов

«Зимою и летом я приучал их к смелой, наступательной тактике», – вспоминал Суворов. После Семилетней войны лучшие русские офицеры глубоко задумывались о военной науке, стремились усовершенствовать уставы и пополнить собственное образование. Создавались новые уставы. Теоретическая, стратегическая работа шла в Петербурге – в высоких комиссиях, в том числе и при участии отца полковника Суворова, генерала Василия Ивановича.

А суждальский полковник хотел найти кратчайшую дорогу до солдатских сердец, чтобы превратить своих бойцов в непобедимых богатырей. Он знал – «солдат учение любит, лишь бы с толком и кратко».

Полк Суворова отличался от любого подразделения тогдашних европейских армий. Это был свой мир, созданный гениальным воином и мыслителем, которого многие считали чуть ли не безумным чудаком. Рассказывают, как Суворов со своими молодцами приступом брал монастырь, разрабатывая тактику штурма крепостей, как без мундира, сохраняя инкогнито, встречал новобранцев, испытывая их в остроумной пикировке. Эти эпизоды запоминались, о них судачили. А Суворову и нужно было прославиться!

На памятных маневрах 1765 года Суздальский полк поразил саму императрицу отличной от других, но наиболее эффективной выучкой. Официальные биографы Суворова именно от тех маневров вели начало славы полководца.

Дом офицерского собрания в Новой Ладого помнит Суворова

Армию тогда вывели в лагерь, на маневры. Главный лагерь разбили у Красного Села, где расположилась тридцатитысячная армия из трёх дивизий. Войска разделили на два корпуса: командование первым всемилостивейше приняла на себя сама императрица. Вторым корпусом командовал Н. И. Панин. Суворов со своими суздальцами угодил под командование Екатерины. Маневры продолжались целую неделю – и стали яркой иллюстрацией к предвоенному усилению Российской империи, в которой армия стала верной опорой императрицы. В том же году вышла в свет книга Д. В. Волкова «Описание лагеря, собранного под высочайшею её императорского величества командой при Красном Селе». В книге, ясное дело, упоминаются громкие имена генералов, принявших участие в маневрах. А из полковников упомянут лишь один, отличившийся более других, – А. В. Суворов: «Суворов с пехотой и артиллерией произвёл наступательное движение, занимая высоты одну от другой и очищая путь государыне для осмотра неприятельских позиций». Суворов был душой того наступления – его лёгкий летучий отряд проворно бросал к ногам Екатерины занятые плацдармы... Суворов в те годы не был всероссийской знаменитостью, но репутация одного из лучших полковников Российской армии, способного к неотразимо быстрым действиям,

была им заслужена.

Суворов обучает солдат приёмам штурма. *Художник К. Лебедев*

Отзвуком тех славных маневров стало присвоение Суворову бригадирского чина 22 сентября 1768 года. А с Суздальским полком Суворову предстояло стать грозой поль-

ских конфедератов в новой войне. Суздальцы станут основной боеспособной, быстрой, вышколенной суворовской бригады. В «Суздальском учреждении» Суворов с гордостью вспоминает о том, как полк удостоился императорской похвалы: «Не можно забыть высочайшую монаршую милость, которую сей полк недавно удостоен был. Отличность, каковою не один полк по прошествии многих лет славится не может: всем протчим во образец! Но всегда о том воспоминающая, содержать себя во всегдашней исправности, наблюдать свою должность в тонкость, жертвовать мнимым ленистым успокоением истинному успокоению духа, состоящем в трудолюбивой охоте к военной службе, и заслужить тем себе бессмертную славу». Да, это был знаменательный день, начало суворовской славы – Красносельские маневры. Сохранилась молва о том, как Екатерина называла полковника Суворова после тех учений: «Мой будущий генерал».

Тем временем Василий Иванович Суворов успешно продолжал военно-административную карьеру. В 1768 году он покупает последний в своей московской жизни дом – у Никитских ворот. Москвичам хорошо известен этот старинный особняк с мемориальной доской ещё дореволюционной, 1913 года, выделки. Надпись золотом по белому выдержана в лаконичном стиле суворовской эпитафии – «Здесь жил Суворов». В барельефе, над щитом, мы видим узнаваемое скульптурное изображение Суворова. Суворовы стали при-

хожанами церкви Феодора Студита, и поныне находящейся неподалёку от дома, который ныне пребывает в ведении Министерства иностранных дел. Даже из скудного полковничьего жалованья Суворов жертвовал на нужды храма заметные средства. При церкви похоронена мать Александра Суворова, Авдотья Федосеевна, не дожившая до славы любимого сына.

В 1773 году генерал-аншеф Василий Иванович Суворов приобретает село Рождествено под Москвой. Долгие годы считалось, что это имение было старинной вотчиной Суворовых, биографы фантазировали о детских годах полководца, проведённых в Рождествене... Это не так. Только в 1770-е годы бывшая вотчина князей Барятинских стала удобной летней резиденцией Суворовых. В народной памяти это село накрепко связано с образом Суворова. В крестьянской среде и в XX веке ходили легенды о детстве полководца, которое якобы прошло в этих краях.

Барвара Ивановна Суворова, жена полководца. *Художник В. Домашев*

Таково свойство легенд – правдиво привирать... На самом деле под старость лет Василий Иванович преследовал две цели: выгодно вложить средства и женить сына. Человек домовитый, он не понимал холостяцких наклонностей сына, жившего одними интересами армии. Соседнее село – Николо-Прозоровское (Никольское-Прозоровское, Николо-Прозорово) принадлежало, как это ясно из названия села, князьям Прозоровским. Их усадьба, в отличие от дома Суворовых, к счастью, сохранилась до нашего времени. Князь и генерал-аншеф Иван Андреевич Прозоровский, не в пример В. И. Суворову, вёл жизнь блестящую и расточительную. Будучи в долгах, как в шелках, он не мог дать за дочь и пяти тысяч приданого. А Варваре Прозоровской ко времени сватовства было уже двадцать три года, и шлейф сплетен за ней тянулся. Поговаривали даже о связи с молодым цесаревичем Павлом (уже в наше время жёлтые газеты заговорили о бастарде Павла Симеоне, которого-де родила В. И. Прозоровская до 1773 года; объявился и современный потомок царя при бороде, со стеклянным взором). Но о браке Суворова речь пойдёт впереди – до сватовства наш герой успеет с победами пройти две войны.

На польском фронте Война против конфедератов

В 1768 году Суворова произвели в бригадиры; через год в этом чине он вступит в свою первую польскую войну. Война, и он – почти генерал! Для Суворова – многообещающее поприще. Пришла пора в бою показать преимущества своей учебной системы. О трудах и днях тех польских кампаний стоит рассказать подробнее.

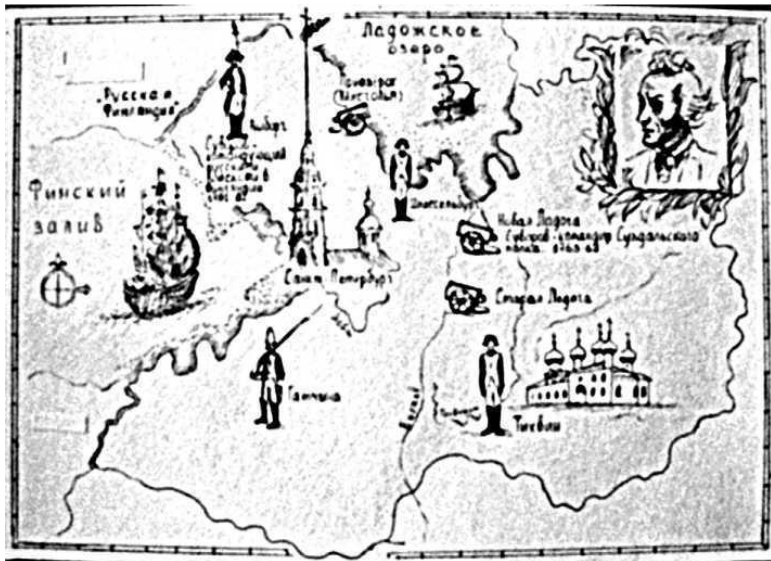
После Семилетней войны, чувствуя огромный потенциал Российской империи, французская дипломатия создаёт приснопамятный «Восточный барьер». Так называлась совместная деятельность Османской империи, Польши и Швеции против расширения российского влияния. Но сколотить по-настоящему боевую коалицию не удалось. Более того, в 1768 году польский король, ставленник России Станислав Август Понятовский запросил у Петербурга военную

помощь. Дело в том, что большая часть влиятельных польских магнатов не желала видеть Понятовского на троне. Они объединились в так называемую Барскую конфедерацию и начали боевые действия.

Когда в кампанию вступила Россия, конфедераты, поддерживаемые Парижем, заключили военный союз с Турцией. Были у польских событий и другие пружины: в 1767 году образовалась Слуцкая конфедерация протестантской и православной шляхты, которую поддерживала екатерининская Россия. Слуцким конфедератам удалось добиться законодательного уравнивания в правах католиков, протестантов и православных. Таким образом, поводом для действий Барской конфедерации был и так называемый Репнинский сейм 1767-68 годов. Этот сейм подтвердил шляхетские свободы, но провозгласил равенство католиков, православных и протестантов в Речи Посполитой. Католическое духовенство вдохновило основную часть шляхты на Барскую конфедерацию и войну не только против короля, но и против не католического меньшинства Речи Посполитой. Разумеется, и Российская империя на волне поддержки православных стремилась укрепить свои позиции на Западе, превратить Польшу в послушного союзника. Каждому нужно место под солнцем.

Перед рассказом о войне против конфедератов необходимо уяснить некоторые геополитические нюансы того времени. Речь Посполитая всё ещё была одним из крупнейших европейских государств, и внутренний политический кри-

зис снедал её сильнее любых соседей-агрессоров. Население страны к началу военных действий, по наиболее распространённым данным, достигло 14 миллионов – немногим меньше, чем в Российской империи. Ослабевшая после Северной войны, но всё ещё великая восточноевропейская держава Речь Посполитая была союзом, унией двух стран – Польши и Литвы. Россия рассматривала всю Речь Посполитую как сферу военно-политического влияния, а территорию Литвы – как пространство для экспансии. Вена стремилась к скорейшему разделу Польши. Свои виды на Западную Польшу были у Пруссии. Россия до 1770-х годов выступала за сохранение Речи Посполитой как самостоятельного, но зависимого от России государства. Буферного – между Россией и Западной Европой. Схожие цели в 1945 году, в Потсдаме, будет преследовать Сталин. Разумеется, при малейшем изменении политической конъюнктуры петербургская дипломатия готова была перестроиться и проглотить Польшу. Империи во все времена за милую душу съедают то, что могут переварить.

Суворов в Приладожье. Рис. Л. Леон

Российская империя к тому времени превратилась, как мы знаем, в государство, необъятное по территории, но весьма малозаселённое. Население страны составляло немногим более 30 миллионов. К концу правления Екатерины Великой подданных империи было уже 37 миллионов, а по некоторым данным и более, но это после присоединения и освоения Кубани, Новороссии и разделов Польши. А в начале семидесятых всяческих ресурсов у Польши насчитывалось, конечно, меньше, чем у России, но разница не была столь существенной, чтобы Россия легко хозяйничала в столь гордом сосед-

нем королевстве. Однако Польша оказалась в уязвимом положении, стала заложницей политических appetитов России – и это, главным образом, из-за паралича власти и народных смут. К тому же, почувствовав слабинку Речи Посполитой, спором «славян между собою» воспользовались Австрия и Пруссия. «За слабость бьют», – как говорил столетия спустя и по другому поводу И. В. Сталин. У Польши оставались все возможности для того, чтобы не попасть в разряд слабых. Не было только политической воли да царя в голове.

Кем был последний польский король, Станислав Август (1732–1798)? Примечательная личность – обаятельный кавалер, острослов, яркий оратор. Отпрыск двух знатных польских родов – Понятовских и Чарторыйских. В 1756 году Станислав Август прибыл в Россию – стал послом Августа III, курфюрста Саксонского и короля Польского в Санкт-Петербурге. Дон Жуан, успевший уже поблистать в Париже, стал любовником молодой Екатерины – ещё не императрицы. Пылкий поляк не испугался наставить рога русскому великому князю, наследнику престола. Впрочем, Пётр Фёдорович не ревновал: он был всецело увлечён фаворитками. Понятовского считали наиболее вероятным отцом дочери Екатерины и Петра – Анны, которая в раннем детстве скончается от оспы. Роман продлился недолго, но дружеские отношения не перегорели. В 1762-м Понятовский покинул Россию, а через два года стал королём Польским – при бурной поддержке Чарторыйских и занявшей российский трон

Екатерины. Оппозицию пророссийской шляхте возглавили неугомонные Потоцкие.

На польском троне Станислав Август не слишком тяготился политической зависимостью от бывшей любовницы. Без особого рвения, но всё-таки пытался отвоевать у шляхты побольше власти – разумеется, не огнём и мечом, но интригами и дипломатией. Оставался Дон Жуаном, покровительствовал искусствам. Он не был прирождённым политиком, не умел использовать энергию масс, не был выразителем коллективных стремлений. Ему даже не удалось консолидировать пророссийски настроенную часть польской элиты. Постепенно жуир привык к королевским почестям. В войне с конфедератами он безоглядно надеялся на Россию, хотя и не мог не понимать, что крепкие объятия с восточным соседом могут обернуться полной потерей власти. Когда ему говорили, что Польша становится всё слабее, что скоро русские, пруссаки и австрийцы отберут у него землю, Станислав Август отвечал с бравадой опытного ловеласа: «Мне нужно столько земли, сколько уместится под моей треуголкой!»

Суворову было суждено отправиться на войну с конфедератами. Александр Васильевич то и дело тяготился миссией в Польше, временами его с особой силой тянуло к войскам Румянцева, на Дунай. Время от времени наплывали приступы разочарования, характерные для суворовского темперамента. Но именно в польском походе проявилось искусство Суворова-командира, который воспитывал свои войска для

быстрых побед с минимальными потерями.

Спервоначала в Польшу направили армию генерал-поручика Ивана Нуммерса. Основные русские войска сражались на Дунае, против турок, а ударной силой в корпусе Нуммерса стала бригада Суворова, объединившая нестигаемых суздальцев, а также Смоленский и Нижегородский пехотные полки. Во время важных операций бригаду Суворова усиливали небольшие кавалерийские и казачьи отряды. Бригада быстрым маршем прошла до Варшавы. Суворову удалось в этом походе сберечь личный состав и вникнуть в польскую специфику. В чине бригадира Суворов вступил в сражения на польской земле. Его успехи сразу привлекли внимание. Ужас на конфедератов наводили быстрые переходы. На территории Речи Посполитой Суворов особенно строго боролся с мародёрством, опасаясь выступлений польского крестьянства против русской армии.

Ученье свет, а неученье – тьма.

*Дело мастера боится, и козь крестьянин
не умеет сохой владеть – хлеб не родится.*

А. В. Суворов

Перед бригадиром Суворовым поставлена задача: обосноваться в Бресте и уничтожить крупное военное соединение конфедератов под командованием братьев Пулавских – сыновей Иосифа Пулавского, одного из лидеров Барской конфедерации. Король Станислав Август Понятовский писал о старшем Пулавском: «Среди негодяев, приложивших руку

к несчастиям нашей родины, был некто Пулавский, староста Варки. Адвокат, находившийся на службе у Чарторыйских. Презираемый Чарторыйскими, Пулавский продолжал служить их противникам... После ареста четверых депутатов Сейма Пулавский возомнил себя особой, упрёки которой могут подействовать в этом деле на Репнина, и, оказавшись с князем наедине, заговорил с ним в таком тоне, что в ответ получил пинок ногой, заставивший Пулавского вылететь из комнаты». С этого неосмотрительного пинка и началась ненависть Пулавских к русским.

С небольшим отрядом Суворов настигает отряд пулавцев у деревни Орехово и даёт бой, в котором уничтожает до 300 поляков при минимальных потерях ранеными с русской стороны. Неприятной неожиданностью для Пулавских стало организованное Суворовым преследование. У Влодавы отряд Пулавских снова был наголову разбит. Франц-Ксаверий Пулавский погиб в бою, а его брату Казимиру удалось бежать. Он ещё повоюет в Польше, получит несколько суворовских уроков, а после окажется за океаном, в армии генерала Джорджа Вашингтона. Один из любопытных и достойных нашего уважения современников Суворова – Казимир Пулавский, полководец предприимчивый и энергичный.

Открытие Суворовского музея в Новой Ладогe 18 мая 1950 года

В окрестностях Бреста конфедератов больше не было: «По разбитии пулавцев под Ореховым вся провинция чиста», – рапортует Суворов. После победы над польскими конфедератами при деревне Орехово (конец 1769 года) принято решение о производстве Суворова в генерал-майоры. Будущему генералиссимусу шел сороковой год... Он энергично берется за дела в «горячем» Люблинском районе.

Тогда новый командующий, генерал-поручик Веймарн посылает Суворова в эпицентр кампании – в Люблин. Ганс фон Веймарн (1722–1792) – лифляндский аристократ, полу-

чивший на русской службе гордое имя-отчество «Иван Иванович». В Семилетнюю войну он руководил штабом фельд-маршала С. Ф. Апраксина, проявил себя убеждённым сторонником прусской военной системы. С 1768 года командовал русскими войсками в Польше. Тактикой

Веймарна в борьбе с конфедератами было постоянное преследование разрозненных польских отрядов небольшими русскими командами. Веймарн был придирчивым и дошным командующим, требовал от подчинённых постоянных рапортов, не поощрял инициативу и стремился отслеживать каждый шаг действовавших в Речи Посполитой русских генералов и полковников. Суворов не мог сработаться с таким начальником. С первых месяцев своего пребывания в Польше он принялся обдумывать и записывать свои мысли о тактике войны с конфедератами, стремясь теоретически обосновать те или иные свои шаги. Но отстаять суворовскую правду перед Веймарном оказалось непросто.

*Повелевай счастьем,
ибо одна минута решает победу.*

А. В. Суворов

В городах Люблинского воеводства Суворов устраивает небольшие посты по 30–40 солдат. Партизанская война здесь принимает особо жестокий оборот: с пленными русскими конфедераты обходятся жестоко, вплоть до показательных повешений. Они с фанатизмом сражаются за свою землю и веру. В нескольких небольших боях Суворов громит соеди-

нения конфедератов. В бою при Наводице суворовский отряд из 400 человек сражается с тысячной польской кавалерией Машинского, который располагал и шестью орудиями. Артиллерийский огонь полякам не удался: Суворов избежал потерь, лично командуя передвижениями отряда. Дело решила штыковая атака (Суворов с дальним прицелом постоянно обучал войска штыковому бою), а в тыл полякам со свистом и криками ударила кавалерия. До половины отряда Машинского было уничтожено, сам пан раненым покинул поле боя тайными тропами. Потери суворовцев ограничились двумя убитыми солдатами и десятью ранеными. И это после трёх отчаянных атак. Определение «отчаянный» было у Суворова одним из самых любимых, когда он рассказывал о сражениях, – видно, оно точно передаёт суворовское ощущение боя, сопротивления и прорыва. Несмотря на такой фантастически успешный исход боя, Суворов уважительно отозвался о храбрости поляков, которые пытались отстреливаться, удирая. Секрет победы русских заключался в уверенном владении штыком и быстроте маневра.

Несомненно, в войне против конфедератов Суворов стал одной из ярких звёзд русской армии. 1 января 1770 года ему был присвоен очередной чин генерал-майора. В последнем донесении, посланном из Седлеца в бригадирском звании, Суворов весомо, грубо, зримо передаёт колоритную атмосферу той польской кампании. Он пишет генералу Веймарну о победных польских приключениях капитана Набокова:

«Вашему высокопревосходительству покорно доношу. По известию, что якобы 300 мятежников в Семятицах за Драгечином 2 мили – я там был, нигде их не нашел, тако ж в Уенгрове и Соколове их ныне нет. А хотели они быть в Семятицы, где мне сказывали, что они около Бялостоку, выжгли Тикочин; от Семятиц Бялосток 12 миль. Ежели бы не Грабовские, то бы может быть я туда сбегал – однако все неописанно далеко. Надлежит это дело рекомендовать. В Гродне становитца опасно, ныне еще они серокафтанники, командиров их никто не знает. Граб[овских] взял по прозванию Костюшка, литвин сказывают, с ним Ласоцкой коней 40. Их все здесь остерегали, они распоясались и не дрались, после сказывали, что их на дороге и позашибли, а повезли между Пулавы и Модрица. Хотя попустому, а все [ж] я еще пойду на Желехово, Стенжиц, или, как случитца, покорм, около вечеру.

«...» Однако, слава Богу, что притом и шенявцов поколотили, что полковник, думаю то Яниковской, которой поголовничал в Опатове и Сендомире, иному некому быть, давно уже на него зубы грызли. Как не стыдно нашим подкалишским господам, что всё на меня выпускают; я бы и там с ними раздела лея! Ваше высокопревосходительство покорно прошу простить мою вольность! А в награждение того, изволите прочесть Набокова рапорт, место сказочки из 101 ночи.

Бригадир *Александр Суворов*».

Многое в этом письме проливает свет на сложившийся к тому времени полководческий стиль Суворова. Сразу обра-

щает на себя внимание и смелая «нападательная» тактика, и ненавязчивое упоминание учений. И уверенность в своих силах, готовность разделаться с многочисленными врагами в кратчайшие сроки... Весьма по-суворовски звучит и упоминание сказок «Тысячи и одной ночи». Суматошные польские кампании нередко напоминали то восточную, то славянскую сказку. Русская армия тогда не выглядела железным монолитом, разбивающим польские отряды. От командиров требовались богатырская удаля и смелая инициатива. При этом Суворов с некоторой иронией рассуждает о польских подвигах: всё-таки главные бои шли на Дунае...

Год войны многому научил Суворова. Он пишет «Рассуждение о ведении войны с конфедератами» – ценнейший памятник военной мысли, в котором суворовский дух сохранился для потомков. Всё предусмотрел Суворов: и разведку, от которой требует точных сведений, и милосердное отношение к пленным, много рассуждает о военной тайне. Что касается карательных мер по отношению к шпионам и палачам-катам, которые казнили русских пленных, в письме подполковнику фон Лангу Суворов перечисляет жёсткие наказания, но в конце концов останавливается на самом банальном: «Прикажите... в Люблине городскому кату ошельмовать, положить клеймы, отрезать уши. Буде же таких клеймов нет, то довольно и уши отрезать и выгнать из города мётлами. А лутче всего прикажите его только высечь как-нибудь кнутом, ибо сие почеловечнее». Думаю, в этом письме на-

шло место своеобразной суворовской иронии – почти как в анекдоте про сталинского двойника (Сталину доложили, что в Москве появился его двойник, который носит такую же причёску и усы. – Расстрелять, – сказал генералиссимус. – А может быть, побрить? – Что ж, можно и побрить). Русский генерал считал, что казнями можно только настроить против себя местное население, что в условиях партизанской войны было чревато роковыми последствиями для суворовского корпуса.

Мемориальная доска в Новой Ладого

Генерал-майор Суворов лично командовал кавалерийскими рейдами против конфедератов. Во главе отрядов в 100–200 сабель он нападал на польские отряды, бросался в сечу. Так, под Раковцами был разбит авангард войск старого знакомца Казимира Пулавского – 500 кавалеристов.

С 1769 года Суворов следил за действиями гусарского полковника Древица. Иван Григорьевич фон Древиц (1733–1783, позже поменяет написание фамилии на более обруселое «Древич»), прусский офицер-кавалерист, в 1759 году поступил на русскую службу, бросив родную прусскую армию, воевал против соотечественников. Служил в Сербском и Венгерском гусарских полках и пользовался во время войны с конфедератами полным покровительством генерал-поручика Веймарна. Он не без заносчивости вёл себя с генерал-майором Суворовым, отказывался выполнять его приказы (как, например, в апреле 1770 года, когда Суворов запросил у Древица сотню казаков) без резолюции Веймарна из Варшавы. В Польше этот полковник был известен крайней жестокостью, он действовал как беспощадный каратель. Ходили слухи о том, как Древиц отрубал кисти рук пленным полякам, возбуждая тем ненависть к России и мстительное ожесточение. В длинном рапорте Веймарну Суворов не скрывает возмущения действиями Древица, который в многословных реляциях напропалую преувеличивал зна-

чение собственных побед и, не являясь русским ни по рождению, ни по духу, позорил имя России варварством: «Суетно есть красноречие Древица, не прилеплённого к России, но ещё клонящееся к продолжению войны её междоусобием, которое тем возгоритца, сколько ещё есть закрытых гуляев, кои тем онамерютца. Славнее России усмирить одной беспокойствы великодушно!.. Хвастливые же выражения г. Древица о его победах мне ни малого удивления не причиняют, то делают Чугуевские казаки, российская пехота и карабинеры, какая такая важная диспозиция с бунтовниками?.. Только поспешность, устремление и обретение их». Суворов прямо писал Веймарну, который оказывал Древицу протекцию, что Россия не нуждается в таких волонтёрах-офицерах, имея более достойных, которых, однако, не выдвигают, как фон Древица...

К началу 1777 года отряды конфедератов стали собираться в более крупные соединения. Герцог Шуазель – влиятельный вельможа при Бурбонах – оказывал противникам России всё большую поддержку. Суворов энергично следил за событиями во вверенном ему районе и сообщал из Люблина Веймарну о новых «шалостях» конфедератов, желая всячески обосновать собственную активность по искоренению очагов противостояния. Вот за Вислой был обнаружен отряд конфедератов, собиравших деньги с крестьян деревни Юзефово. Суворов тут же составляет рапорт Веймарну: «С Крашниковского поста г. порутчик и кавалер Сахаров от 14-

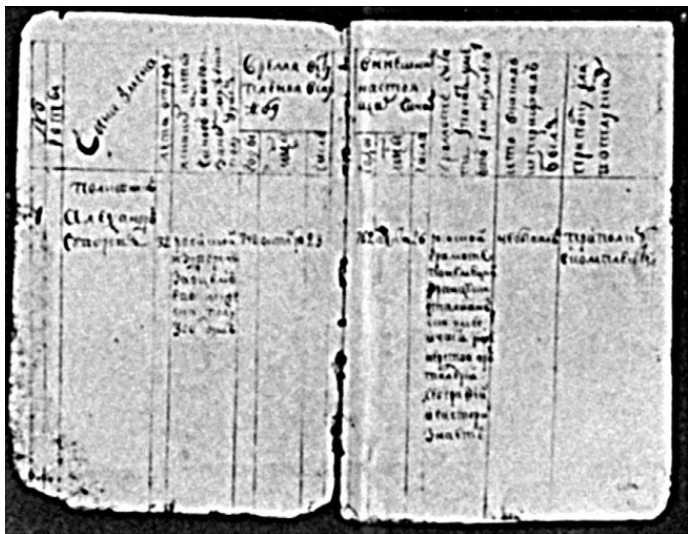
го генваря меня рапортует, что командированная с г. порутчиком Железновым до местечка Юзефова команда прибыла, но только бунтовника ни одного не застали, а пошли за Вислу, взявши из Юзефова поголовных денег девятьсот польских злотых и не были в местечке больше двух часов. Помянутые ж бунтовники назывались маршалка бельского, но невероятно, потому что они были в разном платье; гусара ни одного не было, их больше не сочли пятнадцати человек, а стращали обывателей, что за Вислой их же команда до двухсот коней. Однако 14-го числа поутру уведомился из-за Вислы г. порутчик Железнов, что их было коней до сорока. О взятых из Юзефова деньгах и что они назывались маршалка бельского команды, представил при том рапорте с их расписки копию, которую при сем и вашему высокопревосходительству представляю. А как переправились пешками за Вислу, неизвестно в которую сторону пошли, не бравши проводника. Близ Красника и за рекою Соном мятежничьих партиев более не слыхать. Генерал-майор *Александр Суворов*». Всё говорило о том, что пришла пора для новых активных действий. Основной задачей стало лишение конфедератов возможностей для пополнения казны. Суворов занялся этим, призвав всю свою изобретательность.

*Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду
и при всех случаях потребны, токмо тщетны они,
ежели не будут истекать из искусства.*

А. В. Суворов

9 февраля 1771 года отряд Суворова, сметая польские посты, занимает местечко Ландскрону и пытается штурмовать тамошний замок, где к гарнизону присоединились отступившие с позиций поляки. Отметив, что замок тесный, небольшой, Суворов окрестил его «палатами». Но противников в «палатах» засело больше, чем было атакующих русских, а командовал отрядом французский подполковник Левен. Маловато оказалось сил для успешного приступа: удалось потрепать противника, но замок не сдался. Русские офицеры в то время любили форсить в «щегольской» одежде, которую захватывали у поляков в качестве трофея. Привычка оказалась пагубной: по одежде враг распознавал офицеров и поражал их. Суворов запомнит этот урок. Суздальский полк ворвался в цитадель Ландскроны, завязался бой, в котором были ранены несколько офицеров-суздальцев, включая поручика Николая Суворова, – генеральского племянника. Пришлось прекратить приступ и отступить на исходные позиции. В бою из пяти орудий, которыми располагали поляки, Суворову удалось две пушки захватить. В письме Шаховскому Суворов расскажет о том деле: «Конницу их разогнали, перелезли, разломали и разрубили их множественные шлагбаумы и рогатки и взяли местечко, разорили их магазейн и отбиша две пушки, отрезавши две, – у них только одна оставалась, – били в воротах на крутейшей горке лежащих Ландскоронских палат. Как лучшие офицеры переранены были, овцы остались без пастырей, и мы, дравшись часов шесть,

оставили выигранное дело, довольствуясь потом действовать на образ блокады». Суворов был огорчён, что суздальцы не были готовы к решению ландскронского ребуса «с листа». Он сетовал, что за время разлуки с ним, с автором «Суздальского учреждения», полк растерял свои лучшие качества. Нет сомнений, что он высказывал своё разочарование не только в письмах коллегам, но и в разговорах с офицерами и солдатами. И на упрёки суздальцы ответили стойкостью и энергичными действиями уже в февральских и мартовских сражениях. А эти месяцы в Люблинском и Краковском районах выдались горячими.

Запись об Александре Суворове в списке офицеров Суздальского полка

Заметим, что после Суворова Суздальский полк в 1770 году принял полковник барон Владимир Штакельберг, который теперь служил в Люблине под командованием Суворова. Суворов оставлял его вместо себя во главе небольшой люблинской команды во время многочисленных походов по Польше, хотя и оценивал боевые качества Штакельберга как весьма и весьма посредственные. В ночь на 22 апреля 1772 года Штакельберг опростоволосится, будучи комендантом Краковского замка, – поляки и французы тогда займут замок, отбить его у них Суворову будет непросто. Суворов тогда не стал делать из Штакельберга показательного виновника неудачи, хотя и отзывался о нём с презрением. В одном из писем Бибикову Суворов снисходительно назовёт полковника «бедным стариком Штакельбергом», будучи на год старше этого «бедного старика».

Вскоре в Ландскроне сосредоточилась недурно вооружённая армия в 4000 человек под командованием французского бригадира Дюмурье – будущего генерала наполеоновской Великой армии, который станет умело громить противников республики в Голландии. Шарль Франсуа Дюмурье прибыл в Польшу с французским золотом и французским воинским искусством. Дюмурье составил весьма амбициозный план по активизации действий конфедератов. Он намеревал-

ся с помощью денег и пропаганды вчетверо увеличить шумливое воинство и действовать против группировки Суворова с шестидесятитысячной армией. До таких мобилизационных успехов конфедератам было далеко, но с прибытием Дюмурье их ряды заметно пополнились. Суворов не стеснялся применять против нового достойного противника свои методы ведения войны, но атака на Ландскрону покамест откладывалась. Как мы видим, обстановка в районе Люблина и Кракова быстро менялась, и Суворову приходилось подстраиваться под обстоятельства.

Один из мобильных партизанских отрядов, на которые рассчитывал Дюмурье, возглавлял Савва Чалый (Чаленко) младший, сын знаменитого мазепинского гайдамака Саввы Чалого, о жизни и гибели которого на Украине до сих пор поют песни. Сына гайдамака чаще называли на польский манер – Саввой Цалинским. А Суворов в донесениях чаще называл его кратко, по имени – Саввой. В лучшие дни отряд Цалинского достигал десяти тысяч сабель. Во всех походах его сопровождала мать, боевитая вдова гайдамака Чалого. Суворов получил сведения, что отряд Саввы Цалинского движется к Люблину. Суворов был вынужден прервать блокаду Ландскроны и начать длительный поход, в котором места пребывания генерал-майора менялись как в калейдоскопе, и каждые два дня приходилось давать бои. Своими скорыми движениями Суворов прикрывал Люблин, Варшаву и Литву от польских отрядов. Чалого Суворов намеревался разбить

в Рахове. Суворов решился ночью напасть на сильный отряд маршалка Саввы Чалого, стоявший под Раховом, – у Саввы было 400 драгун, слывших лучшими воинами конфедератов. В ночь на 18 февраля суворовская конница смела посты Цалинского, был убит польский ротмистр Мостовский. Начался бой, подоспевшие суздальцы и Санкт-Петербургские карабинеры оттеснили цалинцев в корчмы. Конфедераты предпочитали защищаться из укрытий, а казаки уже хозяйничали в Рахове. Спешенные воронежские драгуны пошли в штыковую на корчмы. Сам Суворов пребывал на жарких участках боя, однажды даже оказался в смертельной опасности, наедине с несколькими польскими драгунами, засевшими в корчме. Казаки по оплошности открыли огонь по укреплению, когда Суворов вёл переговоры. Всё обошлось, отряд Чалого был разгромлен, в руки Суворова попали внушительный обоз с провиантом и более сотни пленных. Французы распространяли слухи о том, что Чалый был захвачен в плен Суворовым и умер в плену от жестокого обхождения. Это неправда: отряд был разбит, но самому Савве удалось бежать с остатками отряда. Отряд Саввы Цалинского уже не был серьёзной боевой единицей, но Суворов ещё получал противоречивые сведения о пребывании неугомного Саввы в разных районах Речи Посполитой – то с Пулавским, то с другими соединениями. Он уйдёт в Литву, где дважды потерпит поражение от отряда коронного гетмана графа Ксаверия Браницкого. Но всякий раз Савве удавалось избежать пле-

на. Савву Цалинского настигнет только 13 апреля 1771 года команда премьер-майора Нарвского карабинерного полка К. М. Салемана. Тяжело раненный смелый командир конфедератов умрёт на руках собственной матери.

17-18 февраля, когда Суворов в Рахове бился против Саввы, капитан Суздальского полка Алексей Панкратьев с сотней солдат отразил нападение польского отряда в Краснике и несколько часов держался против новых атак. Суворов 18 февраля прискакал в Рахов, при виде суворовского отряда поляки спешно ретировались. С восторгом выслушал Суворов рассказ о подвиге капитана Панкратьева. В нескольких рапортах Веймарну он будет настаивать на награждении отличившегося офицера. Не так давно Панкратьева обошли наградой: «множество младшее его выходили в майоры». И капитан уже подумывал об отставке. Суворов докладывал о нём Веймарну: «По полку рота его всегда была из первых, как её и ныне соблюл. Служит давно, был всегда храброй и достойной человек, и государыня потеряет в нём одного из лучших майоров». Не забыл Суворов и сержанта Степана Долгова-Сабурова, героически проявившего себя в бою при Краснике. На заслуги этого солдата указал капитан Панкратьев.

1 марта Суворов посылает Веймарну очень странное описание плана ближайших действий против конфедератов под Ландскроной и Ченстоховом. Донесение было зашифровано! «Сей план весь положен на образ наступательной, в раз-

суждении, что нигде оборонительной против Бунтовников, яко пресмыкающихся и насекомых невозможен. Нигде от них не токмо укрыться, но и оным дорогу пресечь не можно, а между тем порода их умножается, как Лернейская гидра». Действительно, если вести против конфедератов войну осмотрительную, закрепляясь на определённых позициях и отбиваясь от польских отрядов, – на месте каждой отрубленной головы немедленно вырастали новые. Нужно было разбивать и уничтожать противника, и Суворов чувствовал в себе силы на это. Начиналась Краковская операция – новый быстрый поход, в котором Суворов будет действовать против Дюмурье и Пулавского скоростными маневрами.

Поляки задумали прервать поход Суворова и дали бой на переправе через реку Дунаец. Суворов писал о той схватке: «С хорошою дракою переправились мы за Дунаец, вброд». Опрокинув поляков на переправе, он последовал вперёд с войсками, сохранившими полную боеспособность. Молниеносная краковская экспедиция Суворова продолжалась. На подходе к городу поляки снова безуспешно атаковали суворовский отряд. В Кракове суворовские войска пополнили частями полковника Древица и подполковника Эбшелвица. Теперь отряд Суворова состоял из 3500 человек. Генерал-майор бросил войска Шепелева и Древица на шанцы под монастырём Тынцом. Шепелев овладел редутом – затем конфедераты выбили из редута русских, но по приказу Суворова Шепелев вторично заставил их отступить. Изобретательный

Дюмурье пытался контролировать действия Суворова – был он и в Тынце. Посчитав оборону редутов и монастыря бесперспективной, Дюмурье вместе с конным отрядом ускакал в Ландскрону. Взяв у противника две пушки, Суворов также принял решение перенести бой в Ландскрону и прекратил атаку Тынца.

Потрепав польские отряды под Краковом, Суворов получил возможность вернуться к Ландскроне – и скоростной переход от одного пункта к другому был залогом победы. Именно там, в Ландскроне, снова располагались лучшие силы Барской конфедерации во главе с Дюмурье, облюбовавшим эти укрепления. За счёт быстрых маневров Суворову удалось появиться там, когда Дюмурье не ожидал нападения. Ландскронский замок Дюмурье насытил артиллерией, разместил там полуторатысячный гарнизон. Остальные силы заняли удобные высоты возле замка. Одним флангом польские позиции упирались в обрыв, другим – в укрепления замка. Дюмурье считал позицию неуязвимой, но Суворов принял вызов. Гарнизон замка – полторы тысячи человек – располагал сорока орудиями, что позволяло вести массированный обстрел атакующих. Позиции Дюмурье осложняли лишь разногласия с горделивым Казимиром Пулавским, который не желал подчиняться иностранцу и не поддерживал Дюмурье в Ландскроне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.